

Право,
демократия,
социальная
справедливость

С.С.Алексеев

ПРАВО И ПЕРЕСТРОЙКА

Вопросы, раздумья, прогнозы

«Юридическая литература»
Москва-1987

V
212211gРецензент
З. Д. ИВАНОВА, кандидат юридических наук,
доцент

Алексеев С. С.

- А 47 Право и перестройка: Вопросы, раздумья, прогнозы. — М.: Юрид. лит., 1987. — 176 с. — (XXVII съезд КПСС: право, демократия, социальная справедливость).

Книга известного советского ученого-юриста, лауреата Государственной премии СССР написана в жанре юридической публицистики. Подготовленная в форме своеобразных диалогов с собеседником, она затрагивает вопросы, волнующие сегодня каждого из нас. Соответствуют ли возможности современного права революционным задачам перестройки? В чем суть проблем и противоречий, возникающих в процессе правотворчества и правоприменительной деятельности? Каковы средства и пути их оптимального разрешения? Автор ведет разговор с читателем на равных, предлагает возможные решения назревших юридических проблем.

Для обществоведов, партийного и хозяйственного актива, работников Советов, агитаторов и пропагандистов, всех, интересующихся правом.

ющихся правом.

А 1203000000-108 без объявл.
012(01)-87

338(с):34
308(с)
342(с)

67.99(2)

ПОДР

© Издательство «Юридическая литература», 1987

От автора

Эта небольшая книжка — результат моих встреч в трудовых коллективах, научных учреждениях, просто со знакомыми и незнакомыми людьми. Моими собеседниками были хозяйственные руководители, философы, экономисты, партийные работники, студенты, рабочие.

Вопросы, которые мне задавали, раздумья, которыми я делился, предположения, прогнозы, гипотезы, нуждающиеся в дальнейшем обсуждении, надеюсь, заинтересуют и читателя, дадут ему пищу для размышлений по такой непростой теме — право и перестройка.

Собранный в долгих (порой многодневных) беседах материал выстроился так, что обрел своеобразный сюжет. Своего

оппонента я никак не называю. Его вопросами — они как раз и возникают обычно в разговорах с юристами или диктуются логикой самой жизни, — думаю, задавался каждый читающий эту книжку.

А когда мы, обремененные работой, всевозможными нашими делами, встречаемся для неторопливой беседы, когда есть время задать вопрос, подумать над ответом, поразмышлять? Пожалуй, только вечерами. Вот и назовем наши беседы «вечерами».

Нам, мне и моему «пытливому собеседнику», понадобилось семь вечеров...

Семь вечеров в мире права

**МОЖЕТ ЛИ НАШЕ ПРАВО
БЫТЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИЛОЙ!**

**ПРАВОВАЯ ОСНОВА.
МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О НЕЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО
К НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ!**

КЛЮЧЕВОЙ ПУНКТ ПЕРЕСТРОЙКИ В ПРАВЕ

**НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ —
НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО**

**ДРУГОЕ ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ
СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА —
ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР**

**ЧТО НУЖНО ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБЫ ЗАКОНЫ СТАНОВИЛИСЬ РЕАЛЬНОСТЬЮ!**

ЗА ВЫСОКУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ!

Первый вечер НАЧАЛО РАЗГОВОРА. ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

МОЖЕТ ЛИ НАШЕ ПРАВО БЫТЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИЛОЙ!

Вопрос сформулирован в несколько обостренном виде. Поэтому начнем сразу с существа. Право нередко воспринимается как явление консервативное. Вот и сейчас, в условиях перестройки, революционных по своему содержанию преобразований у многих складывается в общем негативное отношение, скажем, к инструкциям, резко критикуется правосудие...

— В подобных суждениях и оценках немало справедливого. Но недостатки в законодательстве, в деятельности судов — разговор особый. Сейчас же речь о другом. О самом праве. А под правом, сразу договоримся, мы понимаем обязательные для всех общие правила, нормы — о юридических правах и

обязанностях, о преимуществах и ограничениях, о поощрениях и ответственности, притом такие правила, которые содержатся в законах, в других нормативных юридических документах и обеспечиваются особыми государственными органами — судом, арбитражем, прокуратурой, милицией.

Так вот, действительно, в общих юридических правилах, даже если они не содержат (что характерно для социалистического права) ничего реакционного или хотя бы отжившего, устаревшего или неправильно решенного (это у нас, увы, было и может быть), есть что-то «консервативное». Да-да, именно консервативное — в том положительном смысле, который наиболее близок первоначальному значению этого слова. Ведь консервативное — не только антипод прогрессивному, то есть что-то старое, застывшее и заскорузлое, но и то, что «сохраняется», закрепляется как твердое и постоянное. Впрочем, здесь, может быть, полезно сменить терминологические акценты, применить близкие, но все же иные, не столь дискредитированные слова, например «стабилизация». Хотя смысл, думается, в общем тот же.

Право — стабилизирующий фактор в жизни общества людей. Оно призвано утвердить, сделать постоянными, устойчивыми, неизблемыми определенные порядки, принципы, правила. Можно назвать все это известным «консерватизмом»?

Во всяком случае, теперь понятно, почему о праве, причем особенно в переломные моменты истории, при революционных по своему содержанию изменениях, начинают говорить как о консервативном явлении. Лучше, конечно, слово «консервативное» в

отношении нашего права не употреблять; «стабилизатор» — точнее, корректнее. Но тут нужно все-таки пояснить, почему право может быть стабилизатором. Как, благодаря чему достигается такой эффект?

— Главное здесь следующее. Право — весьма своеобразный феномен общественной жизни, рожденный условиями классовых отношений. Каковы же его особенности? Начнем с трех, которые и позволяют ему быть стабилизирующим фактором. С трех, назовем их так, «китов».

Первый «кит» — нормативность. Несколько слов об этом. На первый взгляд, что тут особенного? Ну, норма и норма, общее правило, обязательное для всех. А вот если присмотреться повнимательней, то, пожалуй, следует признать, что это важная вещь, скажем даже — крупное изобретение в жизни общества. Сравните, поведение людей можно направлять разовыми, индивидуальными указаниями: ты сделай то, ты — это, а ты не делай того-то. В примитивных обществах поначалу так довольно часто и было, да и ныне такое разовое руководство нужно. И все же под напором требований самой жизни, особенно экономической, нуждающейся в регулярности, повторяемости, уже в первобытных условиях стали складываться общие правила — нормы. Целая революция! Ведь это правила — для всех! Правила, действующие одновременно, постоянно, на равных. И, надо заметить, тут есть и некий демократический потенциал, момент справедливости: одинаково для всех! В праве же, через закон, это достоинство возводится в степень: здесь общий одинаковый порядок может распространяться на всех в пределах всего общества, всей страны. И не симптоматично ли, что в

партийно-государственных документах последнего времени, направленных на внедрение экономических методов, довольно часто говорится о «нормативном методе», «длительных нормативах»?

*Кстати, в древнегреческой философии слово *dico* одновременно обозначало и норму, и изначальные, повторяющиеся начала мироздания, его «кругооборот». Не догадывались ли древнегреческие мыслители, конечно, через свой строй мышления, образов, представлений, о крупном значении нормативности в жизни людей?*

— Наверное, так. Ведь и древнерусское «кон», от которого произошло слово «закон», одновременно обозначает и правило, и, так сказать, закономерности — изначальные основы жизни людей.

Но вернемся к нашим «китам».

Вторая важная особенность права — его строгая определенность, четкая фиксированность в законах, других нормативных документах того, что можно, а что нельзя, как нужно поступать. Между прочим, обратите внимание, как тесно сплелись два явления человеческой культуры — право и письменность. Ведь благодаря письменным документам право и оказалось способным четко закреплять, однозначно фиксировать нормы поведения. Причем «письменным» — не только в смысле «изложенным на бумаге». Уж коль скоро мы коснулись древностей, такой факт: в 1901 году французская археологическая экспедиция, проводя раскопки недалеко от места, где когда-то находился древний Вавилон, обнаружила испещренный письменами базальтовый столб. Оказалось, что на нем записан до-

вольно обширный Кодекс законов царя Хаммурапи — знаменитого правителя Вавилонии. И более трех с половиной тысяч лет назад стоял этот «столб законов» на видном месте, символизируя своими каменными письменами твердость и незыблемость царских установлений.

Теперь — третий «кит». Третья важная особенность права — его высокая надежность, государственная обеспеченность. Через специальные государственные органы юридические нормы могут, образно говоря, «настоять на своем». Угроза применения жестких, порой весьма жестких, принудительных мер побуждает людей следовать тому образу поведения, который предусмотрен правом. Причем это не только самое страшное — уголовное наказание, тюрьма, но и другие обеспечительные меры, например штраф, взыскание убытков, утрата льгот.

Вот какие три «кита» делают право регулятором, дают ему силу стабилизатора, фактора, закрепляющего устойчивый, твердый порядок в нашей жизни.

И все-таки как быть с инструкциями, с негативным отношением к ним общественно-го мнения, печати сейчас, в условиях перестройки?

— Конечно, негативное отношение к определенному разряду ведомственных актов — тому, что именуют инструкциями, имеет свои основания, и серьезные. Но тревожно другое: порой начинают ругать инструкции вообще. И появляются на экране, на сцене герои-хозяйственники, доблесть которых в том и состоит, что они нарушают юридические нормы и именно таким путем добиваются успехов. Пусть не прямо, но сквозит

здесь мысль: эх, кабы не инструкции! Убери все эти регламенты, правила, юридические строгости с пути хозяйственников-новаторов — и порядок. Больше ничего и не нужно делать.

Согласен. Такой поверхностный подход явно несостоятелен. Но что тут вызывает особую тревогу?

— Один момент предельно прост. Существует много юридических актов — и, кстати, их зачастую именуют именно инструкциями, — которые нужно соблюдать скрупулезно, каждый параграф, до самого мельчайшего пунктика и подпунктика. Это — правила по санитарии, технике безопасности на производстве, на транспорте, в энергетике.

Не так давно в печати сообщалось о железнодорожном происшествии — крушении грузового поезда около Москвы. Почему оно произошло? В газетной корреспонденции отмечалось, что причиной аварии послужила нерадивость дорожного мастера Родина, руководившего бригадой по ремонту железнодорожных путей. В чем же состояла нерадивость мастера? А как раз в многочисленных нарушениях действующих для ремонтных работ правил и инструкций. Вот отрывок из статьи, опубликованной в газете «Советская Россия» 14 февраля 1987 г.: «...В нарушение установленных правил им (Родиным. — Авт.) не были выполнены подготовительные работы... Родин нарушил главный параграф инструкции по обеспечению безопасности движения при производстве путевых работ: не оградил место работы, не проследил, чтобы были уложены петарды, установлены сигналы уменьшения скорости. Правда, был сигналист с радиостанцией, но он находился гораздо бли-

же, чем положено по инструкции... Не менее виновата и диспетчер Павловская, также грубо нарушившая инструкцию...»

А другие, не слишком давние события? Я далек от мысли связывать, например, аварию в Чернобыле, столкновение судов у Новороссийска с возникшим в общественном мнении жестким настроем «против инструкций». Но все же... Все же в этих происшествиях — во всех, без исключения, — принесших серьезные жертвы, горе людям, гигантские материальные потери, неизменно нарушались параграфы и пункты инструкций! Какая жестокая, горькая и в то же время в чем-то логично-неотвратимая (с позиций законности) цена за пренебрежение параграфами и пунктами.

В связи с приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу о кораблекрушении, в результате которого 31 августа 1986 г. затонул пассажирский пароход «Адмирал Нахимов», в центральной печати подчеркивалось, что «морская катастрофа... результат грубых нарушений судоводителями обязательных для исполнения инструкций...» И неужели нужны грозные беды для того, чтобы стала очевидной обязательность соблюдения всеми нами необходимых инструкций, содержащихся в них правил?! Еще раз вчитаемся в газетные строки: «Спешащий прохожий считает пустяковым нарушением переход улицы в неполюженном месте или на красный сигнал светофора. Удобно устроившись в кресле самолета, иной пассажир не торопится выполнять обязательное требование безопасности и пристегнуть ремни.

Нарушения начинаются с малого, однако каждое из них ведет к ослаблению той разумной и четкой общественной дисциплины, которая нам сейчас так необходима повсюду. Об этом напомнил процесс в Одессе, де-

тальный и обстоятельный анализ причин морской катастрофы, боль от которой осталась в сердцах советских людей...»

Не менее существенно предельно точное соблюдение строгих, по необходимости детализированных финансовых, административных и иных норм, направленных на то, чтобы обеспечить осуществление индивидуальной трудовой деятельности в четких рамках, не допустить нетрудовые доходы, нарушение социалистических начал нашей жизни. Важно лишь, чтобы эти нормы не препятствовали социалистической предприимчивости, разворачиванию индивидуальной трудовой, кооперативной деятельности, отсекая от нее все то, что относится к извлечению нетрудовых доходов, запрещенной законом частно-предпринимательской деятельности.

И еще один момент, не менее значимый. Как соотнести фронтально-негативное отношение к инструкциям (можно привести десятки примеров того, как чуть ли не с презрением пишут о них именно вообще, без всяких оговорок) с требованием строжайшего соблюдения действующих юридических норм? Да, немало правил в области регулирования хозяйственных отношений устарело, препятствует разворачиванию предприимчивости, проявлению инициативы и сметки. Да, нужно решительно и настойчиво не только говорить, но и добиваться их отмены, введения новых юридических норм. Более того, и об этом мы еще поговорим, необходим коренной перелом в самом строе, характере юридического регулирования. Но пока те или иные правила действуют, их нельзя не применять — разумеется, используя предусмотренные в законе возможности сведения к минимуму отрицательных последствий (закон такие возможности всегда предоставляет), — но все же именно применять. Ибо альтернативой строжайшему соблюде-

нию действующих юридических норм, причем единственной альтернативой, может быть только страшная для общества беда — разрушение законности, произвол, своеволие. И когда, замечу попутно, некоторые журналисты в своих публикациях резко осуждают народных судей (тут еще одна проблема — наше отношение к суду, народным судьям), наказывающих в соответствии с действующим законодательством хозяйственников, нарушивших во имя экономического эффекта законный порядок, они, к сожалению, и не подозревают, какое национальное бедствие подстерегает нас, если судьи встанут на путь вольного обращения с законом, — то есть на путь беззакония.

Все это верно. Хотя «ухватить» такие оценки простым здравым смыслом удастся не сразу. Наверное, тут какие-то просчеты в правовом воспитании, общей правовой культуре. И все-таки не подтверждает ли сама мысль о том, что право — стабилизирующий фактор, «консервирующий» известные порядки, отношения, мнение о праве как о явлении, которое препятствует, мешает революционным преобразованиям?

— Скажу откровенно, в своем рассказе я чуть-чуть подыгрывал такому — распространенному и в прошлом и теперь — мнению. И поэтому намеренно оттенял те особенности права, которые свидетельствуют о его закрепительной миссии, о его предназначении делать всеобщими, устойчивыми, постоянными уже сложившиеся порядки и отношения. Мое «подыгрывание», думаю, в какой-то мере полезно, поскольку позволяет увидеть, что уже в таком, пусть и однобоко трактуемом виде

право имеет самое серьезное отношение к идущей у нас перестройке, обновлению в жизни общества, людей. Ведь советское право закрепляет социалистические порядки и отношения. А происходящие в жизни нашего общества революционные изменения включают последовательную борьбу за организованность и дисциплину, искоренение всего того, что мы несколько снисходительно называем «негативными явлениями» (преступности, коррупции, пьянства) и что в ходе идущих ныне революционных по своей сути процессов должно быть решительно преодолено. А все это прямо относится к праву, к его действию, связано с закреплением в качестве незыблемых и охраной социалистических общественных отношений.

Но это, так сказать, одна сторона медали. Право, благодаря своей нормативности, строгой определенности, высокой обеспеченности, может закреплять не только уже существующие, сложившиеся порядки и отношения, но и то, чего сейчас нет, но что заложено в законе и **должно быть**. Словом, право — такой мощный фактор, который способен обеспечить наступление намеченных результатов, запланированных мероприятий, обеспечить не только путем принудительных мер, но и путем стимулирования, предоставления необходимых возможностей.

Крутой поворот в оценке права!..

— Да, крутой. И очень важный.

Вот в ноябре 1986 года в нашей стране был принят Закон об индивидуальной трудовой деятельности. Он предусматривает возможность таких видов работ в различных сферах (кустарно-ремесленные промыслы, бытовое обслуживание населения, социально-культур-

ные услуги), которые раньше граждане, их объединения не осуществляли. А сколько новшеств намечено — да не только намечено, а юридически определено, предписано — в других законах последнего времени. Взять, к примеру, предусмотренные Законом СССР о государственном предприятии (объединении) систему выборности хозяйственных руководителей, возможность признания предприятий неплатежеспособными и даже ликвидации их в случае убыточности, отсутствия спроса на их продукцию, ряд других принципиально новых, радикальных мер.

Так что особенности права универсальны. Они и позволяют ему быть регулятором, стабилизирующим фактором, мощным закрепителем уже существующих, сложившихся, господствующих порядков и отношений. Вместе с тем право — могучий организатор, инструмент преобразований, да притом такой, который возводит преобразования «в закон», делает их обязательными для всех, четко расписанными, обеспеченными государством, действующими постоянно и рассчитанными на будущее.

В таком случае не является ли право своего рода прогностическим институтом, не закладывается ли в нем некий прогноз?

— Конечно же! Сейчас в науке все более развиваются прогностические направления, футурология — научная дисциплина о том, что нас ждет в новом тысячелетии, с чем мы встретимся в ту и более отдаленную пору. И жаль, что один из реально существующих, притом с довольно далеких пор, прогностических институтов проходит мимо внимания футурологов.

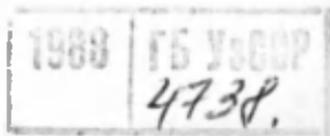
Однако суть дела все же не в этом. Верно, в зако-

нах всегда есть прогноз, расчет на то, какие события и обстоятельства могут иметь место в будущем. Но главное в юридических нормах не просто расчет на будущее, а государственная воля (у нас — государственная общенародная воля!) на то, чтобы запрограммированные в праве порядки и отношения воплотились в жизнь, стали реальностью, то есть — на то, что они не только могут, но и должны быть. И эта воля оснащена действенными юридическими средствами и юридическими механизмами — вспомним отмеченные ранее особенности права, — которые позволяют решать, и при том разом, одновременно, определенные социальные, в том числе экономические, задачи.

Знаете, как оценивал в этом отношении право, юридические формы К. Маркс? А вот как! Он писал в «Капитале», что при помощи юридических форм определенные экономические задачи могут быть решены «одним ударом». Одним ударом! Сильно сказано, не правда ли? Есть ли еще какой-либо социальный инструмент, который бы позволял достигать подобного эффекта — решать назревшие социальные задачи, при наличии необходимых условий, вот так — «одним ударом», разом и по всей стране?

Выходит, и наше советское право может быть революционной силой?

— Вот-вот. Это и есть главный вывод о праве, если рассматривать его особенности применительно к сегодняшнему дню, идущей в нашей стране перестройке. Ведь перестройка — подчеркнем еще раз — определенный апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС, XXVII съездом партии процесс серьезных перемен, преобразований во всех сферах нашей жизни, в итоге которого

должно быть достигнуто новое качественное состояние советского общества, — процесс, представляющий собой, как отмечалось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК партии, «прямое продолжение дела Октября, последовательное осуществление идеалов, начертанных на знамени нашей революции». В ходе и в результате перестройки не только устраняется, преодолевается все негативное, застойное, чуждое социализму, но и в полной мере раскрывается свойственный социализму потенциал, присущие ему начала подлинного гуманизма, действительной социальной справедливости, широкой и реальной демократии, правды, счастья людей. А все это касается права! Права во всем многообразии его содержания, и прежде всего тех положений, которые охватывают права людей и организаций, налаживание отношений между ними в области управления, труда, распределения. Причем отчетливо видно, в каких направлениях советское право может способствовать перестройке, давать ей мощное правовое обеспечение. Главное здесь то, что в праве, в законе закрепляются, приобретают юридически обязательный и всеобщий характер принципы, идеи, основные положения происходящих перемен, преобразований, а это — обратим внимание на данный пункт — вместе с широким демократизмом, утверждаемым в нашей общественной системе, является мощным фактором, придающим перестройке необратимый, твердо и повсеместно осуществляемый характер. Не менее существенно и то, что в руках нашего общества, партии, государства оказывается могучее оружие для реализации намеченных радикальных преобразований в экономике, социальной сфере. А ведь такое оружие действительно должно быть поистине могущественным, чтобы — и это право **может** обеспечить — до конца сломать механизм торможения и за-

менить его механизмом ускорения, придать ему мощный, необратимый характер.

Вот и получается, что революционные по своему существу преобразования, происходящие в нашем обществе, реализуются с помощью закона, юридических норм. Кстати, такой небезынтересный штрих. В том месте «Капитала», где говорится о способности юридических форм решать социальные задачи «одним ударом», отмечено, что это — «революционный метод»... Вот как Марксова оценка прямо сомкнулась с реальной миссией советского права в нашей жизни.

Отсюда вытекают по крайней мере два довольно существенных — причем, думаю, для всей нашей общественной науки — выводы.

Первый, имеющий характер предположения. Когда радикальные преобразования, по существу революционные, протекают в условиях утвердившегося социального строя и не только не связаны с его сменой, а нацелены на его развитие, раскрытие всех его возможностей, не является ли право во взаимодействии с углубляющейся демократией закономерным, естественным инструментом этих преобразований?

Второй вывод, который можно сформулировать с большей определенностью: в отличие от революции, нацеленной на смену социального строя (когда, по словам В. И. Ленина, законность неизбежно имеет «свои границы»), коренные преобразования, производимые при перестройке, не только протекают в обстановке строжайшей социалистической законности, но и неизбежно связаны с ее дальнейшим, решительным упрочением, неуклонным укреплением. И в этом, видимо, могут найти оправдание те жесткие оценки, которые прозвучали в нашей печати в отношении правоохранительных органов, в том числе и органов социалистического

правосудия, работа которых, увы, не всегда была на высоте.

Приведенные соображения о советском праве как серьезной революционной силе, наверное, могут быть подтверждены фактами, в том числе историческими?

— Да. Ведь великие преобразования, начавшиеся после завоевания власти трудящимися в первые же дни Октября, осуществлялись при помощи декретов ВЦИК, постановлений СНК, других юридических документов — и о рабочем контроле, и о национализации земли, основных средств производства, и о решении национального вопроса. Вот тогда-то и возникло революционное (во всех отношениях — революционное!), наше, социалистическое право. 1917—1918 годы — это и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, и первый подлинно народный Кодекс законов о труде, и первый Кодекс по вопросам семьи и брака, и первая Конституция... Да и вообще такой интенсивности законодательства, какая была у нас в первые годы Советской власти (причем, будем помнить, законодательства революционного, социалистического), история не знала. Немногим более чем за пять лет, к 1923 году, в стране была создана принципиально новая, развернутая, отработанная система Кодексов, других законов, закрепивших на деле глубокие революционные преобразования, происшедшие в первой в мире стране трудящихся. Примечательно, что эта работа осуществлялась не только под руководством, но и при прямом участии В. И. Ленина, который сам писал и редактировал многие декреты, иные законодательные акты, вносил в них поправки, уточнения. (Кстати, это еще недостаточ-

но замеченный и осмысленный нашей общественной наукой пласт глубокой и живой ленинской мысли...)

А переход к новой экономической политике? И здесь глубокие, революционные по своему характеру преобразования были осуществлены — и вновь под руководством и при прямом участии В. И. Ленина — в форме законодательных актов — о продналоге, о трестах и др. Среди этих актов особо должен быть выделен Гражданский кодекс РСФСР (1922 год) — он содержал обширную систему юридических норм, направленных на обеспечение хозяйственной самостоятельности государственных предприятий, других участников хозяйственной жизни, их инициативной, построенной на интересе деятельности.

Такой же размах, интенсивность начинает приобретать законодательная деятельность ныне, в условиях перестройки. Впрочем — об этом лучше поговорить особо и дальше. Сейчас же достоин внимания факт, так сказать, от противного. Когда в истории нашей страны по тем или иным причинам наблюдались застойные явления, начинали преобладать административно-волюнтаристские тенденции, резко шла на убыль, в сущности, замирала законодательная деятельность. Хотя росла глыба ведомственных актов — того, что именуют инструкциями, которые фактически оттесняли законодательство...

Как, опять инструкции?

— Нет, сейчас, пожалуй, нет необходимости вновь возвращаться к ним. Это разговор особый. Нам важно не упустить главную нить нашего разговора об особенностях права, о его возможностях и силе в решении задач кардинального преобразования нашей жизни.

Тогда вот какой вопрос. Проводимые сейчас радикальные преобразования опираются на развертывание демократических начал, экономических методов, то есть всего того, что связано со свободой, самостоятельностью, инициативной деятельностью людей, коллективов, предприятий. Но ведь те особенности права, о которых речь шла раньше (нормативность, строгая определенность, государственная обеспеченность), «выходят» на дисциплину, организованность, стабилизацию отношений, и существующих и программируемых, а не на самые важные ныне вещи — свободу собственных действий, самостоятельность. Вот с этой стороны наше право — тоже революционная сила? Тут все же ощущается некое противоречие...

— Что же, пришла пора поговорить об одном стойком стереотипе, довольно прочно утвердившемся в общественном мнении, в представлениях о праве многих людей. Я имею в виду преимущественно криминалистическую трактовку юридических вопросов и отсюда — запретительно-ограничительное видение права в целом. Объясняется это просто.

Преступность, правонарушения, «криминал» — все это связывается в нашем сознании в первую очередь с уголовным законодательством, исправительно-трудовой политикой, деятельностью органов расследования преступлений. А так как всем известно и понятно, что уголовное наказание устанавливается за нарушения запретов и ограничений, то и право в целом начинает рассматриваться сквозь запретительно-ограничительную

призму. Да и теоретическую базу под такое видение права подвести легче всего: право — явление классовое, связанное с классовыми отношениями, классовым господством и подчинением, а значит и со строгими обязанностями, запретами, ограничениями. Взгляд, по ряду пунктов справедливый, но все же односторонний. А детективы, многими — и заслуженно — любимые? Опять криминалистическая тематика — преступление, расследование, наказание. Вот вам и готовый стереотип.

В чем его недостаток? Скажу сразу — в том, что в стороне остается главный массив законодательства (гражданское, трудовое, природоохранительное, семейное и др.) и упускается из поля зрения важнейшая особенность права, о которой мы еще не говорили. И не говорили по причине, ранее уже упомянутой, — с тем чтобы сосредоточить сначала внимание на роли права как фактора обеспечения организованности и дисциплины.

Что это за важнейшая особенность?

Начнем со слов, с терминов. Многие, быть может, задавались таким вопросом: почему право, этот жесткий и строгий регулятор, выраженный в системе общеобязательных норм, называется словом «право»? Причем, повторим, речь идет именно о системе общеобязательных норм, об «объективном праве», как принято говорить в юридической науке, то есть о чем-то близком к закону. Ведь слово «право» многозначно: оно может иметь неюридический смысл (например, моральное право) или уже в юридической области — иметь значение субъективного права, то есть права, принадлежащего субъекту, конкретному лицу (право гражданина на пенсию, право кооперативной организации на ее имущество), и тому подобное.

Итак, почему используется термин «право»?

Выражение «советское законодательство» понятно. А «советское право»?..

Наверное, потому, что право связано — пожалуй, даже едино — со справедливостью, правдой, правильностью. Ведь слова «право», «правовое», «правое», «праведное», «справедливое» так близки и по звучанию и по смыслу.

— Что ж, в этой мысли много верного. Действительно, право неотделимо от важнейшего нравственного начала — справедливости. Право и призвано быть воплощением справедливости, правды. Ведь в самой нормативности — определяющей особенности права — заложена идея равенства, одинаковости (норма — единое правило для всех). Недаром даже в законодательных актах эксплуататорских обществ неизменно говорилось о справедливости, понимаемой, конечно же, по меркам и оценкам той или иной эпохи, — по представлениям об оправданности частной собственности, эксплуатации, господстве сильного. Причем порой в очень пышных и торжественных выражениях. Так, уже упоминавшиеся Законы царя Хаммурапи обосновывались словами: «Чтобы воссияла справедливость...»

Но более существен другой момент. Вслушайтесь в выражение: «На основе советского права граждане СССР имеют право на пенсию». В общем-то несложно понять четкую разницу между объективным правом — нормативным регулятором, по значению близким к понятию «закон» (советское право), и субъективным правом — юридическими возможностями лиц (право на пенсию).

Но различие различием, а соль вопроса в том, что

между тем и другим значением слова «право» — не просто связь, а нерасторжимое внутреннее единство. Опуская некоторые тонкости, различные толкования этого единства (оно сейчас обсуждается в советской юридической науке) и чуточку упрощая проблему, можно сказать так: **право — это то, что говорит о правах.** То есть право как система норм определяет наличие либо отсутствие у лиц прав, или, другими словами, является ли их поведение правомерным либо оно неправомерно, незаконно и потому наказуемо. Вот почему прежде всего право и называется правом: оно носитель, определитель, причем нормативный, четкий определитель юридических прав, существующих в данном обществе. А в связи с этим правом охватываются и обязанности, и юридические запреты, и юридическая ответственность.

Ну, а какое все это имеет отношение к перестройке, к развертывающейся демократизации, новым условиям хозяйствования? Конечно, преодоление «криминалистического стереотипа» — отдавая, разумеется, должное уголовному законодательству, карательной политике, — помогает увидеть значение советского права в целом, всех его подразделений, его роль как социального регулятора, в том числе в области производства и распределения (именно с этой областью связывал В. И. Ленин предназначение советского права как регулятора). Но вот для сегодняшнего дня этот, на первый взгляд, несколько тавтологический тезис «право — это то, что говорит о правах» помогает уяснить революционную роль советского права?

— Я думаю, приведенный тезис не только подтверждает ранее сказанное о революционной роли права в современных условиях, его значении как могучего инструмента перестройки, но и высвечивает некий ключик, центральный пункт всей проблемы. Вот некоторые пояснения на этот счет.

Если право «говорит о правах» (а отсюда — и о том, что не является правами, обязанностями, ответственностью), то, выходит, важнейшей, определяющей стороной юридического регулирования являются вот эти самые субъективные права — юридические права лица, организации, органов государства. Что же представляют собой юридические права?

Юридические права — это возможность, дозволенность определенного поведения, известный простор для действий по собственному усмотрению, мера свободного действия. Заметили, какое слово здесь прозвучало? Слово «свобода». Свобода!

Если право со стороны ранее рассмотренных особенностей (нормативность, строгая определенность, высокая обеспеченность) связано в основном с организованностью, дисциплиной, стабилизацией общественных отношений, то здесь, со стороны субъективных юридических прав, оно «выходит» на другую важнейшую ценность общественной жизни — на свободу.

Скажу больше: именно в праве, в связи со всеми его особенностями, свобода в обществе как самостоятельное, по собственному усмотрению, поведение людей (во всяком случае по главным вопросам нашей жизни) получает действительно разумное, действительно человеческое выражение и бытие. Она приобретает обоснованный, оправданный характер, когда выражает осоз-

нанную необходимость и в соответствии с этим имеет четкие рамки и прогрессивную направленность.

Иначе? Иначе за этими четкими рамками знак «+» меняется на «—» и свобода становится своей противоположностью, превращается в анархическое своеволие, произвол, беззаконие — одну из самых страшных бед для людей, для человечества. Кстати, небызырительный момент. Наши зарубежные идейные противники постоянно поучают нас и неизменно подталкивают к некоей «свободе вообще». Почему они это делают? Не о благе же нашем они заботятся, коль скоро в собственных странах беды простых людей, бездомных, обездоленных, лишенных работы, их ни чуточки не интересуют. Расчет здесь бесхитростный, расчет на то, чтобы путем проповедования «свободы вообще» склонить к свободе «без границ», а значит — к нравам неконтролируемой стихии, разнузданных поступков, культу насилия. Ведь и угнетение людей, и порабощение их труда, и война — это все тоже «свобода», только без границ, подлинно человеческих, нравственных оснований.

А ценность права как раз в том и состоит, что через юридические права людям, коллективам людей может быть предоставлена широкая свобода, возможность для собственных, построенных на своем интересе действий, и все это — в строгих, четких границах, в рамках разумных, нравственных оснований (не случайно в юридической науке при характеристике субъективных юридических прав делается ударение на том, что они служат **мерой** возможного и дозволенного поведения).

Между тем немало людей считают, что закон, всякие юридические правила играют по отношению к свободе отрицательную, в основном ограничительную роль. Да, это может происходить, когда при помощи

закона стремятся «заурегулировать» сугубо личные и некоторые иные отношения и вопросы. К тому же определенные факты действительности, связанные с бюрократизмом, формалистическими извращениями (не говоря уже о реакционной роли закона в эксплуататорском обществе), как будто бы подтверждают такую, сугубо ограничительную, роль закона. Если же посмотреть на социально оправданную роль права применительно к основным вопросам нашей жизни, то оказывается, что соотношение между свободой людей и законом совсем другое, принципиально не согласующееся с указанным довольно распространенным представлением, тоже — стереотипом. Реальной, базирующейся на разумных, нравственных началах свободы не может быть вне закона и тем более в противовес ему!

Знаменательно, что крупнейшие мыслители прошлого — и, заметим, неизменно прогрессивные мыслители — Вольтер, Ш. Монтескье, Н. Радищев и другие напрямую связывали закон и свободу, видели в законе оплот и выражение свободы людей. Замечательный русский марксист Г. В. Плеханов считал, что если в действительности закон не всегда является выразителем свободы людей, то это связано с тем, что в нем закрепляются господствующие классовые интересы; уберите это препятствие, говорил он, и закон станет основной формой свободы в обществе. Предельно четкую, ясную, содержательно-емкую характеристику рассматриваемому вопросу дал К. Маркс, который говорил, что свод законов есть «библия свободы народов».

И в связи со сказанным одно дополнение к ранее сделанным пояснениям. Значение закона, юридических норм для свободы людей состоит не только в том, что именно через них эта важнейшая человеческая ценность вводится в разумные, подлинно человеческие

рамки, но и в том еще, что они могут — конечно, при наличии необходимых экономических, политических, культурных условий — дать действенные правовые средства, эффективные механизмы для защиты, реального осуществления прав и возможностей, то есть юридически гарантировать и обеспечивать свободу людей, делать ее реальной.

Действительно, приведенные пояснения, хотя в чем-то они неожиданны и в известной мере не согласуются с нашими обыденными представлениями, показывают саму перспективу ответа на вопрос о значении права для решения коренных задач, осуществляемых ныне в ходе перестройки...

— Разумеется, ведь именно здесь, как уже говорилось, — ключевой пункт всей проблемы.

Мало того, данный аспект крайне важен для нашей общественной системы вообще. Социализм уже добился высших идеалов свободы — свободы от эксплуатации, угнетения, насилия, реальной свободы людей; да и само движение человеческого общества по пути социального прогресса, к коммунизму есть переход, по словам К. Маркса, из царства необходимости в царство свободы. И жалкой насмешкой над истиной, фактами и историей выглядят попытки буржуазных пропагандистов и политиков изобразить в пышных и торжественных красках буржуазную общественную систему, погруженную в эксплуатацию, угнетении людей труда, нравственной деградации, в виде некоего «свободного общества», да еще оценивать с опорой на упомянутые пышные и торжественные выражения мир социализма, поучать нас...

Что же касается сегодняшнего дня, актуальных задач и проблем перестройки, то высказанные соображения о роли закона, юридических норм для свободы людей имеют, без каких-либо преувеличений, непосредственно практическое значение.

Сама суть, главная особенность идущей перестройки состоит как раз в том, чтобы — и это подчеркивалось на XXVII съезде партии — решительно поднять активность трудящихся масс, развивать их творчество и инициативу, включить многомиллионные массы трудящихся в процессы радикальных перемен, ускорения социально-экономического развития страны, призванные в еще большей степени раскрыть возможности, потенциал социалистической общественной системы. В связи с этим в современных условиях на первое место в общественном развитии выдвинулись: а) всесторонняя демократизация общественной жизни, углубление начал социалистической демократии; б) внедрение экономических методов в хозяйственное управление, утверждение начал хозяйствования, построенного на эффективном использовании новых по содержанию товарно-денежных отношений; в) активизация человеческого фактора. А решение этих задач связано в первую очередь с углублением социальной свободы — той социальной свободы, которая строится на социалистических, подлинно человеческих, высоконравственных началах.

Всесторонняя демократизация — это углубление социалистического самоуправления, включая расширение и придание реального содержания правам избирателей на выборах в органы государственной власти, развертывание предусмотренного Конституцией права граждан на обжалование действий работников государственного аппарата, ущемляющих права граждан, уп-

рочение прав трудовых коллективов и т. д., то есть предоставление и юридическое гарантирование «выбора», «действий по собственному усмотрению», «самостоятельного решения» — всего того, что охватывается понятием свободы людей в обществе.

А экономические методы в хозяйственном управлении? Это — тоже реальная самостоятельность предприятий и объединений, действительная возможность трудового коллектива распоряжаться по свободному усмотрению собственными средствами — хозрасчетными доходами, фондами поощрения, валютными поступлениями.

И все это — право! Надлежащее, хорошо отработанное, юридическое регулирование...

Да, теперь картина и впрямь во многом прояснилась. Казалось бы «консервативное» явление — право, юридическое регулирование имеет что ни на есть ближайшее отношение к перестройке, ускорению социально-экономического развития, к революционным изменениям. Итак, наше советское право — революционный фактор?

— Да, наше советское право — это мощный революционный фактор, которому уготована значительная роль в осуществлении задач перестройки, ускорения социально-экономического развития страны. Перестройка, иными словами, нуждается в надлежащем **правовом обеспечении**.

И припомнив то, что по данному вопросу говорилось ранее, можно сказать, что смысл, основное содержание такого правового обеспечения в следующем: принципы, идеи, основные положения перестройки

возводятся в закон, что способствует, наряду и в сочетании с широким демократизмом, приданию перестройке необратимого характера, всеобщей обязательности и твердости, стабильности самого процесса революционных по своему содержанию изменений;

перестройка получает мощное, действенное средство, инструмент, который способствует, с одной стороны, высокой организованности, дисциплине, борьбе с негативными явлениями, а с другой — решению кардинальных задач, радикальным преобразованиям, в том числе широкой демократизации социальной жизни, внедрению в хозяйство экономических методов, новых условий хозяйственной деятельности, активизации человеческого фактора.

Ну и как итог сказанному — ленинская мысль. В. И. Ленин подчеркивал, что экономическую политику надо «закрепить законодательно в наибольшей степени». В наибольшей степени! Для чего это? Обратим внимание, что пишет Владимир Ильич дальше: «...для устранения всякой возможности отклонения от нее». То есть как раз для того, чтобы сделать экономическую политику необратимой, реально, твердо и последовательно осуществляемой. Прямо-таки для сегодняшнего дня сказаны эти слова.

Второй вечер ТРУДНОСТИ

ПРАВОВАЯ ОСНОВА. МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О НЕЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ!

Что же, наш вчерашний разговор закончился на оптимистической ноте. Итак, право, наше советское право является значительной революционной силой, способной быть действенным фактором перестройки, глубоких преобразований, определенных XXVII съездом КПСС. Значит, все хорошо?

— Увы, не все здесь просто и не так радужно, если с высот теории, научных рассуждений спуститься на землю реальной действительности, обратиться к жизненным фактам, фактам вчерашнего и сегодняшнего дня.

И дело не только в механизме торможения, в тех трудностях, сложностях, с которыми встретилась перестройка и которые связаны с укоренившимся

мышлением, застойными явлениями, негативными традициями, разбухшим административным аппаратом управления, не спешащим расставаться со своими позициями... Дело и в самом праве. Если реалистически смотреть на вещи — а мы сейчас только так и должны оценивать действительность, — то следует признать с полной откровенностью, что право еще не заняло надлежащего места в нашей жизни и по своему содержанию пока не готово к осуществлению сложных задач перестройки.

Эти суждения — «еще не заняло надлежащего места», «не готово» — звучат как-то неожиданно. Ведь право действительно обладает большими возможностями при решении кардинальных социальных задач. А насколько глубока мысль К. Маркса о том, что при помощи юридических форм можно решать экономические проблемы «одним ударом»? Хорошо известны и другие положения основоположников научного коммунизма о праве, его силе и возможностях. Положение В. И. Ленина о том, что право — это регулятор, да к тому же регулятор меры труда и потребления, взятое на вооружение и правоведами и другими представителями общественной науки, подтвердилось в жизни. А какое большое значение придается праву, законодательству, законности в важнейших партийно-государственных документах последнего времени! Взять хотя бы тезис XXV и последующих съездов партии об укреплении правовой основы государственной и общественной жизни. Вслушайтесь — правовой основы.

— Хорошо, что мы обратились к ленинской мысли о праве как регуляторе и формуле «правовая основа государственной и общественной жизни». Эта формула, которая затем вошла в Конституцию СССР (ст. 9), а ныне записана и в новой редакции Программы КПСС, совершенно по-новому оценивает место и роль права в нашей жизни, намного возвышает его статус. Она, по сути дела, означает, что в советском обществе есть не только экономическая, политическая, идеологическая основы, но на их базе и наряду с ними есть правовая основа общественной и — обратим внимание! — государственной жизни. Замечательная формула!

К сожалению, — как и в некоторых других сферах — мы намеченные, определенные в документах рубежи, то есть желаемое, порой принимаем за действительное, уже достигнутое. Ясные и четкие политические установки по вопросам права и законности, последовательность принимаемых по ним партийных и государственных решений подчас представлялись нам как нечто такое, что фактически существует. Подобное в какой-то мере и случилось с формулой «правовая основа государственной и общественной жизни». Так что прозвучавшее ранее суждение о том, что право еще не заняло надлежащего места в нашей жизни, в перестройке, ничуть не противоречит тому, что по самой своей логике, по своему предназначению, в соответствии с нашим мировоззрением советское право должно иметь весьма высокий статус.

Впрочем, во всем этом нужно более подробно разобраться, для чего целесообразно посмотреть на правовое обеспечение перестройки более конкретно, детальнее. Мы ныне все чаще и чаще употребляем это выра-

жение — «правовое обеспечение перестройки». А что оно означает?

Действительно, что — функционирование правосудия, издание новых законов или что-то еще? Нельзя ли данное выражение раскрыть более подробно?

— «Правовое обеспечение перестройки» — это то, что право, законодательство, вся правовая система способны сделать и делают для преобразований в общественной жизни, другими словами, то, что относится к юридической области и что может помочь в проведении радикальных мер. И здесь главными являются три момента.

Во-первых, совершенное, в немалой степени новое или существенно обновленное законодательство, отвечающее требованиям сегодняшнего дня, то есть способствующее развёртыванию демократических институтов, хозяйствованию в новых экономических условиях, утверждению начал социальной справедливости, повышению роли человеческого фактора. На этот пункт хотелось бы обратить внимание потому, что некоторое время назад получило распространение мнение, в соответствии с которым законодательство — не основной участок нашей правовой политики, что хороших законов много и главное — строго их исполнять. Между тем в области права нужно начинать, как и везде, «с начала», а значит — с самого закона. Вот почему на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК партии подчеркнуто, что «организационная сторона намечаемых преобразований должна включать обширную программу законодательной деятельности».

Во-вторых, организация безукоризненно точного,

своевременного и полного исполнения законов. Если она отсутствует, то самые прекрасные вещи, записанные в законе, могут так и остаться «бумажным правом», так сказать, не материализоваться. В общем подобная судьба и ожидала, например, принятый не так давно закон о трудовых коллективах, о чем говорилось на XXVII съезде партии. И кстати, теперь становится все более и более очевидным, что самое трудное дело в организации исполнения законов — обеспечение действия нормативных актов о юридических обязанностях (тут в общем все ясно: есть обязанность — нужно ее осуществить — иначе наступают строгие юридические меры, ответственность), а претворение в жизнь законов о юридических правах — проблема, с которой в связи с характером нового (точнее, обновляемого) законодательства мы все чаще будем сталкиваться и которая, помимо всего иного, требует куда больше сил, отработанных механизмов, разнообразных условий и плюс к тому нового юридического мышления.

В-третьих, высокая, современная юридическая культура, правовая пропаганда и правовое воспитание. Этот участок правового обеспечения перестройки охватывает и развитую юридическую науку, и высокоорганизованную, четкую, быструю правовую информацию, и эффективное правовое обучение, которое ныне смыкается с обучением экономическим и политическим, и, главное, соответствующую правовую атмосферу, настрой, придающие нужную направленность всем мерам по правовому обеспечению перестройки, а здесь важнейший элемент — оценка права в обществе.

И прежде всего необходимо разобраться в последнем из трех указанных моментов.

Почему — в последнем? Это все же субъективная сторона юридических вопросов — культура, воспитание, отношение к праву. А исходное, начальное звено — о чем уже говорилось — законодательство, его состояние, степень совершенства. Может быть, с него и лучше всего начать?

— Конечно, законодательство — основное и решающее звено. Но при определенных условиях фактором, очень сильно влияющим на все остальные моменты, оказывается именно субъективная сторона юридических вопросов. Особенно в условиях перестройки. Ибо всякая перестройка начинается с переделки сознания, с субъективного фактора. Причем главный тезис, касающийся субъективной стороны, будет в достаточной мере спорен или во всяком случае неожиданным.

Я рискну утверждать, что у нас — и в недалеком прошлом в весьма большой степени — имела место и отчасти имеет место сейчас недооценка права.

Недооценка? Выходит, и по данному вопросу существует несовпадение фактов и четких, определенных положений науки, партийно-государственных документов?

— Да, тут нужно еще раз сказать: несовпадения есть. Недооценка существует не в нашем мировоззрении, не в партийно-государственных документах, а в реальной жизни, на практике, в общественном мнении, в отдельных науках. Проявления ее многообразны. Это и упомянутые ранее стереотипы «криминалистического» видения права, и снисходительное отношение к

нарушениям законности в области хозяйства, и придание в ряде случаев приоритета подзаконным актам, и вольные оценки и суждения по судебным делам отдельных журналистов, игнорирующих закрепленную в Конституции презумпцию невиновности, и проскальзывающее порой отношение к правоведению как к науке второго сорта и т. д. А главное — правовой нигилизм, фактическое отношение к праву как к чему-то формальному, не очень уж обязательному, чем «во имя высших интересов» можно и пренебречь.

Все это в весьма значительной мере сказывается на совершенстве законодательства, на организации исполнения законов, то есть на правовом обеспечении перестройки.

Что ж, факты — дело серьезное. И факты в общем-то действительно подтверждают, что правового нигилизма в нашей жизни немало. Но возникает вопрос: почему так происходит, чем это вызвано? Четкие и ясные положения нашей теории о праве и законности, об их роли в жизни общества, однозначная направленность в этом отношении партийно-государственных документов и вместе с тем — недооценка права, правовой нигилизм... Как это все объяснить? Каковы причины такого расхождения «слова» и «дела»?

— Причин тут несколько. Причем — разных, по несчастью, увы «встретившихся», поддержавших нигилистическую по отношению к праву тенденцию.

Одна из причин — сугубо историческая.

До Октября революционеры в своей житейской и революционной практике имели дело в основном с таким «юридическим», которое воплощалось в карательной политике эксплуататорского государства, в ненавистном царском законодательстве, судебных расправах, чинимых царской юстицией. К тому же общая атмосфера беззакония в тогдашней России была вопиющей. Именно в связи с этим и в связи с возникшим на почве беззакония правовым нигилизмом Герцен писал в середине прошлого века о русском народе так: «...Вопиющая несправедливость одной части законов вызвала в нем презрение к другой. Полное неравенство перед судом убило в нем в самом зародыше уважение к законности. Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает и правительство».

В ходе завоевания власти трудящимися отрицательное отношение ко всему «юридическому» было вызвано тем, что в первые дни и месяцы социалистической революции враждебные народу силы вовсю манипулировали в контрреволюционных целях лозунгами о «праве», «законности», «правах» Учредительного собрания и тому подобное. Понятно, что все это создавало настрой против «юридического», представление о нем как о чем-то контрреволюционном.

Ну, это все — представления, впечатления. А не было ли более глубоких оснований для такого отношения к праву в условиях революции?

— Есть и более глубокие основания. Дело в том, что в обстановке острой классовой борьбы, ожесточен-

ных классовых битв, когда решается вопрос «кто — кого», подчас возникает необходимость незамедлительных революционных действий в ответ на ожесточенное сопротивление, на кровавые насильственные акции эксплуататорских классов — действий, которые далеко не всегда могут получить надлежащее юридическое оформление. Именно применительно к такой обстановке В. И. Ленин и говорил, что законность в революции не может не иметь своих «границ», и что диктатура пролетариата — власть, «не ограниченная законом». Это одна из «издержек» революции, направленной на смену самого социального строя; она, хотя и имела необходимое социальное оправдание, все же в какой-то мере поддерживала общую атмосферу негативного отношения к праву...

Но ведь Владимир Ильич по образованию был юристом.

— Да, юристом. И он, великий мыслитель, продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса, основатель Советского государства, придавал большое значение праву, законности. Вместе с тем вот какой штрих: широко распространенная атмосфера негативного отношения со стороны революционеров к праву была настолько значительной, что это, да и реальности революционной борьбы в какой-то степени оттеснили, отодвинули в представлении его сподвижников и друзей саму мысль о юридической профессии В. И. Ленина.

П. И. Стучка, юрист-ленинец, один из основателей советской юридической науки, уже после революции, в 1925 году, рассказал о таком факте: «Когда весной 1917 года ЦК партии большевиков поручил группе от-

ветственных большевиков составить легальное товарищество для приобретения типографии ЦО «Правда», то у нотариуса в удостоверение своей личности В. И. Ленин предъявил единственный имеющийся у него и каким-то чудом сохранившийся **легальный** документ: удостоверение совета присяжных поверенных округа Петроградской Судебной палаты от 1892 года о том, что он состоит помощником присяжного поверенного. Я тогда этого обстоятельства (что Ленин был юристом) не знал и был несколько поражен, прочтя это удостоверение».

Ленинцы-правоведы, писавшие в первые годы революции о праве и законности, формулировали свои мысли сдержанно, порой как бы извиняясь. Тот же Петр Иванович Стучка в предисловии к первой в советской науке крупной работе по праву, созданной в 1921 году, приводит ряд «оправдывающих» аргументов, обосновывающих необходимость издания книги, и пишет: «Ибо боюсь, что без этого никто не станет читать в нынешнее высокоревolutionное время рассуждения о таких «контрrevolutionных» предметах, как о праве».

Еще одно его соображение: «У нас было общепринято право рассматривать лишь как контрrevolutionный, в лучшем случае антиrevolutionный элемент, как бы силу инерции, задерживающую всякую революцию». Здесь же, в этой книге — весьма примечательный момент, показывающий роль В. И. Ленина в преодолении подобных настроений, значение в данном отношении ленинской работы «Государство и революция». П. И. Стучка отмечает: «Только эта работа и наша революция — не берусь сказать, что в большей мере, — открыли нам глаза на роль государства в переходный период».

Действительно, очень существенный момент. Плюс к тому хорошо известно, что с первых дней победы Советской власти В. И. Ленин, конкретизируя и развивая марксистские взгляды на роль права и законности в жизни общества, постоянно подчеркивал их значение, требовал, чтобы свято соблюдались декреты Советской власти, уделял много внимания кодификации, юридическим средствам защиты прав трудящихся. Чем же объяснить, что в то время не только в общественном мнении, но и в науке господствовало довольно сдержанное отношение к праву — отношение, отголоски которого, наверное, и слышны по сей день? Ведь даже слово «социалистическое» применительно к советскому праву, законности в те годы не употреблялось.

— Видимо, тут были и просчеты молодой советской юридической науки. Конечно, ее достижения в первые годы революции замечательны. Впервые было раскрыто самое главное в праве — его классовость, его надстроечный характер, обусловленность экономическим базисом, а разработка правовых вопросов поставлена на службу интересам трудящихся. И все же сейчас отчетливо видны и минусы: не была своевременно, с необходимой полнотой раскрыта глубина ленинских идей о праве и законности в социалистическом обществе.

Более того, в атмосфере в общем негативного, или во всяком случае — сдержанного, отношения к праву, сохранившегося в общественном мнении, получили распространение идеи о скором «отмирании» права, о це-

лесообразности замены его организационно-техническими средствами регулирования. «Ударной» теоретической работой в развитии подобных идей явилась опубликованная в середине 1920-х годов книга Е. Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм». Эта книга, быть может, наиболее выразительно показала и великие достижения и недостатки, неоднозначность молодой советской юридической науки. Е. Б. Пашуканис глубоко осветил классовость права, его надстроечный характер, продемонстрировал революционный пафос советского правоведения. Вместе с тем претендовавшая на принципиально новый подход к праву, написанная «по-революционному» хлестко, книга связывала право с рыночными, меновыми товарными отношениями и настойчиво проводила «революционную» идею о том, что будущее общество должно избавиться и от товарного производства и от права, которое, по мнению автора, может быть «только буржуазным»...

Кстати, эта книга до сих пор пользуется немалой популярностью на Западе, ее подчас изображают в качестве чуть ли не «инструктивного» образца марксистского отношения к праву, хотя наша наука в соответствии с принципиальными положениями марксистско-ленинской теории, продолжив и углубив все позитивное, что было создано молодой советской наукой, широко и обстоятельно обосновала иной подход к праву, его будущему, его развитию в высокосовершенную систему социального регулирования коммунизма. Создается впечатление, что кому-то очень выгодно (с недобрыми для нашей страны целями) поддерживать популярность этой книги, идеи, которые были сформулированы в 1920-е годы и от многих из которых сам автор впоследствии отказался. На книгу Е. Б. Пашуканиса ссы-

лаются идеологи-антикоммунисты и даже буржуазные политические деятели, «доказывая» ложный тезис о том, что коммунисты, дескать, противники права и законности, что они-де проектируют будущее общество как общество «без права», и следовательно (нехитрая игра слов!) — «общество бесправия».

Но это все — прошлое, двадцатые годы, хотя его отголоски еще долго могут сохраняться в силу инерции... А были и есть, видимо, иные обстоятельства, которые, «встретясь» с представлениями прошлого, оживили, подкрепили их?

— Да, таким негативным обстоятельством стали условия культа личности, связанные с ним грубые нарушения социалистической законности, необоснованные репрессии. Хотя тут может быть отмечен и своего рода исторический парадокс: эти печальные, противоречащие нашей идеологии и морали факты стали своего рода «холодным душем», отрезвляющей реальностью для наших юристов-теоретиков, наглядно, жестко, а то и жестоко продемонстрировавшей, чем может обернуться легкое, прожектерское отношение к таким важнейшим социальным факторам, как право и законность, которые как раз направлены на предотвращение произвола и беззакония. Не случайно именно в то время, как это ни покажется неожиданным (хотя все — закономерно), в юридической науке в противовес господствовавшим ранее представлениям стали утверждаться идеи о социалистическом характере нашего права и законности, об их укреплении и совершенствовании. Но как бы то ни было, нарушения законности в те годы не способствовали ликвидации настроений право-

вого нигилизма, своего рода обесценения права в нашей жизни.

Другое же, более близкое, прямо-таки сегодняшнее обстоятельство, связанное с недооценкой права, — возрастание, а затем и доминирование на определенном этапе развития нашего общества административно-командных методов управления, бюрократизма, формалистических тенденций.

Правда, в этом вопросе необходимо правильно определить, как говорится, точку отсчета. Нужно очень строго различать понятия «централизованное регулирование», «администрирование» и «административно-правовое регулирование». Слова как будто бы одни и те же, да и в наших рассуждениях мы порой употребляем их довольно вольно, как равнозначные, одинаковые. Между тем здесь существуют важные и четкие грани.

Централизованное регулирование — дело, в принципе, положительное, необходимое, связанное с целенаправленным научным управлением. Конечно, в той мере, в какой оно обусловлено требованиями жизни, прежде всего экономики, построено на подлинно научной основе, сочетается с демократическими формами. Более того, централизованное регулирование, управление могут быть в определенных условиях (например, в сложной международной, предвоенной или военной обстановке, иных чрезвычайных ситуациях) довольно интенсивными, по необходимости отодвигающими, увы, те или иные демократические формы. И с этим приходится мириться. Такого рода целесообразное централизованное регулирование при социализме в условиях господства общественной собственности, планирования — неизбежность; к тому же мы пережили при строительстве социализма периоды, когда в силу объективных причин

требовалось централизованное регулирование, так сказать, повышенного напряжения.

А вот администрирование — уже нечто другое. Казалось бы, и тут централизованное регулирование, но оно совсем иного качества — не имеет необходимых объективных оснований и носит в основном субъективный, волюнтаристский характер. Приобретая застойные черты, такое администрирование при наличии ряда других неблагоприятных условий и становится бюрократизмом, выражается в административно-бюрократических, командных методах управления. В условиях культа личности, субъективизма, застойных явлений парадности и показухи подобные методы получили у нас известное распространение.

А административно-правовое регулирование, к чему оно ближе — к целесообразному централизованному регулированию или же к администрированию? Вопреки некоторым существующим представлениям административно-правовое регулирование относится именно к первому, к целесообразному централизованному управлению: отработанные юридические формы призваны обеспечить его целесообразность, сочетание с демократическими формами, функционирование в четких, продиктованных объективными требованиями рамках, не допустить его превращение в администрирование, в бюрократические методы. Именно праву, надо полагать, принадлежит существенная роль в реализации новой концепции централизма, о которой говорилось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, концепции опирающегося на активность трудящихся и самостоятельность предприятий, то есть подлинно демократического, централизма в ленинском его понимании.

Вот почему нет ничего удивительного в мысли о том, что недооценка права связана с доминированием

административно-командных, нажимных методов управления, хотя в представлении некоторых людей администрирование и формализм нередко связываются как раз с юридическим регулированием. И тем не менее хочется со всей силой подчеркнуть: указанные негативные явления возможны только в обстановке, когда значение закона принижено, право не получает должного развития и процветает, условно говоря, только «видимость права» — преимущественно ведомственные акты, оформляющие администрирование, бюрократические начала в управлении. А если к этому добавить еще недостаточный высокий уровень общей культуры работников аппарата, населения в целом, в том числе политической культуры, отсутствие стойких правовых традиций, то перед нами — именно те реальные жизненные обстоятельства, которые порождают и питают и однобокие стереотилы, и отношение к правовым вопросам как к второстепенным, и все другое, что так или иначе выражает недооценку права в жизни общества.

Ну и что? Разве оценка права и ныне остается столь же невысокой, как в прошедшие времена? Известно, что начиная с 1970-х годов в нашей стране осуществляются развернутые меры по правовому воспитанию, правовому обучению школьников и студенческой молодежи, выходят популярные издания по вопросам права, видное место в газетах и журналах занимают судебные очерки, другие публикации юридического жанра. Довольно популярны телепередача и журнал «Человек и закон»...

— Конечно, перемены к лучшему налицо. Наметился перелом в самом настрое, в самом принципе, что ли, отношения к праву. Теперь в общем все «за» право и законность. И решающую роль сыграли четкие формулировки на этот счет в политических документах последних съездов КПСС (вспомним хотя бы положение об укреплении правовой основы государственной и общественной жизни, сформулированное на XXV съезде партии), ряд специальных постановлений ЦК КПСС по вопросам права, законодательства, законности. Один из последних, четких и развернутых, в духе перестройки документов принят в ноябре 1986 года. Это постановление ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан». В таком же ключе опубликован ряд передовых и редакционных статей в партийной печати. Замечательные слова недавно прозвучали со страниц журнала «Коммунист» — слова о том, что «пришло время понимания действительной ценности юридической формы общественных отношений, всестороннего развития и эффективного использования гуманистического и нравственного потенциала социалистического права». Сказались и фактическая работа по укреплению законности, широкое участие общественности. Заметна роль юридической науки, которая, освободившись от былых заблуждений, не оправдавшихся оценок и суждений, прямо обосновывает мысль о том, что право в советском обществе является значительной социальной ценностью.

Но все же в жизни, на практике недооценка права существует и поныне. И не потому только, что не изжиты окончательно факторы, приводящие к такой недооценке (продолжает функционировать, в частности,

значительный административный аппарат, последовательно не нацеленный на строжайшую законность, не укоренились в самую плоть нашей жизни правовые традиции). Главное, что существующее в общественном мнении, в общественной науке понимание права, оценка его возможностей и силы еще не соответствуют тем задачам, которых требуют условия перестройки. В партийных документах и в печати в настоящее время остро ставится вопрос об изменении экономического мышления как важнейшем условии перехода к экономическим методам в управлении. Оправдана аналогичная постановка вопроса и по отношению к праву. Здесь тоже требуется серьезное изменение, переориентация юридического мышления. В чем такое изменение, такая переориентация должны состоять, — разговор особый.

Недооценка недооценкой. Это, конечно, достаточно серьезно, но отношение общественного мнения, науки к праву — это все же субъективная сторона юридических вопросов. А как обстоит дело с центральным моментом правового обеспечения перестройки — с законодательством? Мы уже касались этого пункта, но только касались. Наверное, пора более подробно рассмотреть его.

— Да, пора. Тем более что на состоянии законодательства сказывались те же обстоятельства, в том числе и недооценка права в общественной жизни. И вообще именно здесь с достаточной определенностью выяснится, существует ли у нас как факт правовая осно-

ва государственной и общественной жизни и в какой мере наше право готово решать сложные вопросы перестройки.

Но сначала одно уточнение. Мы нередко употребляем слово «законодательство» широко, охватывая этим термином все юридические документы — и акты Верховных Советов СССР, союзных и автономных республик, и правительственные постановления, и решения местных Советов народных депутатов, и ведомственные акты, вплоть до локальных, то есть тех, которые принимаются низовыми звеньями — самими организациями, предприятиями и действуют только внутри них.

Между тем необходимо очень строго различать законы и все иные акты, которые находятся «под законом» и обобщенно так и называются «подзаконными». Законы принимаются Верховными Советами — СССР, республик или референдумом. К законам, по существу, относятся нормативные Указы — акты Президиумов Верховных Советов; и к ним примыкают, обретая в результате сложившейся у нас политической и правовой традиции высокий правовой и общественно-политический статус, постановления Правительства, в особенности те, которые являются совместными с ЦК КПСС актами. Так вот, строго говоря, именно эти важнейшие юридические документы охватываются понятием «законодательство», ибо именно в них, и прежде всего непосредственно в законах, должны решаться основные вопросы жизни нашей страны. Вот эти-то важнейшие юридические документы и призваны образовывать правовую основу государственной и общественной жизни страны Советов.

Однако в условиях недооценки права, господства

методов бюрократического администрирования произошло смещение, своего рода перекося в построении нормативных актов: не свойственное им значение приобрели юридические документы, которые, согласно Конституции, должны быть только подзаконными — ведомственные, министерские инструкции, циркуляры, особые правила, регламенты. Кстати, мы, наконец, и подошли к более подробной характеристике пресловутых инструкций. Но не инструкций вообще (вспомним: есть абсолютно необходимые нормативные документы, именуемые инструкциями, выполнение которых должно соблюдаться безукоризненно и точно), а таких, которые дотошно, во всех мелочах и деталях регламентируют оперативную хозяйственную деятельность предприятий, их взаимоотношения друг с другом и гражданами.

Как же случилось, что ведомственные акты заняли не подобающее им место?

Прежде всего, их оказалось бесконечно много. Может быть, по каждому министерству, государственно-му комитету, на первый взгляд, цифры не так уж значительны (впрочем, по некоторым ведомствам до трех и более тысяч — тоже громадное число). Если же взять все ведомства вместе, суммировать все эти документы, то на каждое предприятие в отдельности обрушатся многие десятки тысяч ведомственных нормативных актов. И появившееся в нашей печати выражение, что инструкции буквально «запеленывают» предприятия, покажется, пожалуй, слишком мягким.

Но дело, конечно, не в одной многочисленности ведомственных актов, и не столько в ней (даже такое великое множество актов — хотя и со значительными усилиями — в общем можно было бы свести к какому-

то минимуму или объединить в один документ, например в единый кодекс, как предлагали некоторые юристы и хозяйственники). Суть вопроса — в качественной стороне регулирования. Вовсе не случайно гигантский массив инструкций уподобляют айсбергу. Существующие, действующие инструкции — это лишь видимая, «надводная» часть единого явления, имя которому — разросшийся обширный хозяйственный аппарат управления. По сути дела, ведомственные акты во многих случаях представляют собой лишь юридизированное продолжение в иной форме, в форме инструкций, работы бюрократического аппарата, чисто административных методов управления, приобретающих таким путем «законный» облик. Не ограничивая и не упорядочивая властно-административные функции должностных лиц по хозяйственным вопросам, они, напротив, мелочно регламентируют оперативную хозяйственную деятельность предприятий, объединений, трудовых коллективов и тем самым ограничивают, связывают, сковывают ее.

Одно из негативных последствий «засилья инструкций» — своего рода деформация законодательного регулирования. Громада ведомственных актов в ряде случаев фактически вытеснила кодексы, другие законодательные акты, и прежде всего действовавшее (и никем не отмененное) гражданское законодательство. Зачастую во взаимоотношениях между предприятиями, а также во взаимоотношениях организаций с гражданами юридической основой для решения возникающих вопросов становятся не нормы Гражданского кодекса, а правила ведомственных инструкций, не всегда соответствующие закону, «юридическая отсебятина», причем — нередко — с «новшествами», форму-

лируемыми по большей части в пользу ведомств, в ущерб интересам граждан.

С учетом сказанного — как все же можно ответить на вопрос: утвердилась ли фактически в нашем обществе правовая основа государственной и общественной жизни, существует ли она?

— Ответу так: да — утвердилась, да — существует, поскольку речь идет о конституционных основах нашего строя, о правах советских граждан, их защите от незаконных посягательств, о принципах судебной деятельности (хотя и здесь есть еще проблемы, требующие размышлений и решений). Но было бы большим легкомыслием, если не сказать резче, полагать, что в области административного управления и в сфере хозяйственных отношений вообще такая правовая основа до последнего времени реально существовала.

Ведь массив инструкций, заслонивший и оттеснивший законы, — это вовсе не правовая основа для управленческой деятельности в области хозяйства, а только видимость ее. Правовую основу образует то, что юридически определяет и направляет функционирование и деятельность управленческих органов, должностных лиц. Инструкции же, иные ведомственные акты подобной функции не выполняют. Они не упорядочивают, не вводят в строгие рамки властно-директивную, командную, управленческую деятельность. Напротив, ведомственные акты ставят порой предприятия, объединения в юридически беззащитное положение. Какая же это «правовая основа»? Да и в

наши дни, когда уже много сделано нового в законодательстве, безоговорочно положительно ответить на поставленный выше вопрос вряд ли будет в полной мере справедливо. Впрочем, об этом разговор дальше.

Что же, действительно, во всем этом можно видеть недооценку права. Но недооценку — с точки зрения потребности нашего общества, марксистско-ленинского мировоззрения, решений XXVII съезда КПСС. Вместе с тем, наверное, оправдан и другой поворот в наших рассуждениях: сама-то недооценка кому-то выгодна? Выгодно, чтобы существовала видимость правовой основы — громадное количество подзаконных юридических документов да одни лишь разговоры о праве, без реального дела?

— Верно! Мы в какой-то мере возвращаемся к тому, о чем уже говорилось ранее. Администрирование, командные методы управления поддерживают негативное отношение к праву и в то же время в виде инструкций, ведомственных актов получают своего рода «юридическое прикрытие». Вот, мол, есть же все-таки у нас правовая основа! (А, быть может, вообще удобно, чтобы удар на себя приняла только «надводная» часть айсберга — одни лишь инструкции, а подводная, основная, часть осталась нетронутой?) Здесь в общем-то многое объясняет одна мысль, высказанная на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, — мысль о том, что в прошлом «у нас нередко даже поощрялось всякого рода схоластическое теоретизирование, не затрагивающее чьи-либо интересы и жизненные проблемы». Вопрос же о том, есть реально правовая основа в области

хозяйственного управления или нет, вопрос о роли права, о судьбе инструкций ох как затрагивает интересы и жизненные проблемы, связанные с деятельностью аппарата хозяйственного управления. С этой точки зрения ведущийся на страницах юридических журналов и книг разговор о праве «вообще», о правовой основе «вообще», без связи с конкретными и острыми жизненными проблемами, без реального дела, — быть может, некий «социальный заказ» той части управленческого аппарата, которая привержена прежним методам управления.

И одно соображение — на размышление. У нас и в печати, и в устных обсуждениях все чаще поднимается вопрос о бюрократизме, его истоках, чертах, силах, его поддерживающих, и т. д. Конечно, можно назвать множество факторов, способствующих развитию и живучести этого негативного явления. И среди них серьезное место, надо думать, занимает то обстоятельство, что управленческая деятельность в области хозяйства и ряде иных сфер не имеет надлежащей правовой основы. Упорядочение, введение в строгие законные рамки властных функций работников аппарата управления, отработанность и действенность механизма обжалования незаконных действий, словом, использование в этой области всего потенциала права призвано если не исключить, то по крайней мере решительно подорвать саму базу бюрократизма. Есть предпосылки для размышлений в таком направлении, не правда ли?

Третий вечер КРУТОЙ ПОВОРОТ

КЛЮЧЕВОЙ ПУНКТ ПЕРЕСТРОЙКИ В ПРАВЕ

Что нужно сделать для того, чтобы советское право было готово выявить весь свой революционный потенциал, сыграть подобающую ему активную роль в перестройке? Тем более, что, судя по наличию ряда моментов, выражающих правовое обеспечение перестройки, тут много вопросов. Нет ли среди них центрального, узлового (конечно, наряду с должной оценкой, подъемом авторитета, престижа советского права)?

— Прежде всего, пожалуй, поставим вопрос еще резче. Возникший сейчас настрой против инструкций — хотя и не во всем точный и справедливый — имеет все же серьезные основания. Если бы советская правовая система оставалась такой, какой она сложилась в услови-

ях доминирования чисто административных методов управления, недооценки права (наверное, этот факт в сжатом виде и выражен в настрое против инструкций), то положение нужно было бы признать в высшей степени серьезным. Меры по широкой демократизации, внедрению экономических методов управления, приданию должного значения человеческому фактору, утверждению начал социальной справедливости не только постоянно натывались бы на непробиваемую стену ведомственных актов, затормаживались, а по ряду направлений просто могли бы быть сорваны, притом, так сказать, на «законном» основании. Словом, после XXVII съезда КПСС встала задача произвести изменения в нашем праве — с тем чтобы сложившееся при доминировании административно-бюрократических, нажимных методов юридическое регулирование поначалу хотя бы не было тормозящим фактором, препятствием в проводимых партией и государством мероприятиях, а главное — само было бы перестроено таким образом, чтобы советское право включилось всей своей юридической мощью в процесс радикальных преобразований, затронувших все сферы жизни нашего общества.

Перестройка советского права касается, понятно же, в первую очередь законодательства. И здесь сначала необходимо найти центральное звено, ключевой пункт, который бы указал на стержень преобразований в юридической области. И вообще крайне важно правильно расставить акценты: не упустить из поля зрения уже достигнутое, уже существующее и наметить курс в решении вопроса, что и в каком плане нуждается в совершенствовании, а что и в кардинальном изменении. Тут придется обратиться к ряду положений советской юридической науки, к некоторым довольно-таки непростым разработкам правовой теории.

А нельзя без них обойтись? Ведь и так частенько приходится слышать сетования и нарекания в адрес юридических премудростей, эдакой «юридической закрученности», чуть ли не схоластики, догматизма и т. д. и т. п. Действительно, в иной «толстой» книге по юриспруденции такое написано, — понять что к чему трудно, да и терминология сложная...

— В подобном отношении к юридической науке, к ее «сложностям», пожалуй, тоже проявляется недооценка права. Ведь никого, решительно никого не удивляет то обстоятельство, что в физике, химии, биологии, психологии, медицине, других науках, престижность которых общепризнана, существует особая терминология и что книги по этим наукам для человека непосвященного, неподготовленного заведомо непонятны. Почему же вызывают недовольство «сложности» правоведения? Нет ли здесь подспудной мысли о том, что право, закон — настолько элементарные вещи, что настоящая наука тут не нужна и что научная проработка юридических явлений — это не более чем «закручивание» и схоластика? И не потому ли некоторые представители естественных и технических наук порой с такой легкостью, а то и лихостью (которую они никогда не допускают в отношении «своего» предмета) высказываются по политико-правовым проблемам, проявляя иной раз элементарное незнание по относительно несложным вопросам?

Между тем, смею заверить, правоведение — одна из сложных поведенческо-нравственных и одновременно самобытных наук, имеющая уникальный предмет —

тонкую, порой трудно, не сразу уловимую «юридическую материю». И хотя для последующего рассказа нет нужды обращаться к ее многочисленным глубоким связям и соотношениям (они необходимы для совершенствования законодательства, решения практических проблем при применении закона), некоторые сведения о них нам бы пригодились. И в общем-то даже хочется, чтобы читатель если не в полной мере освоил, то хотя бы уловил, почувствовал сам факт их наличия и научной значимости. Быть может, у него в какой-то мере изменится само отношение к юридической науке...

Мы, кстати, уже использовали научные данные в нашем разговоре — помните? — при анализе особенностей права, связи права и свободы, соотношения объективного и субъективного права... Тут же, наверное, имеются в виду еще более основательные данные. Так?

— Да, так. И начнем мы с довольно ясного по своей постановке вопроса: возможно ли, а если возможно, то как, при помощи каких понятий, категорий сжато и выразительно охарактеризовать своеобразные черты юридической системы той или иной страны? Очевидно — возможно. И поможет в этом указание на те основы — экономические, политические, нравственно-духовные принципы, на базе которых строится данная юридическая система. Например, принципы, на которых строится право буржуазных стран — частная собственность, индивидуализм, эгоистически трактуемая свобода, охватывающая возможность порабощения труда, эксплуатации, разгула неконтролируемой стихии и т. д., — вскрывают самую суть юридического регули-

рования в буржуазном обществе и в то же время показывают, насколько буржуазное право уступает праву социалистическому, базирующемуся на коллективистических, антиэксплуататорских началах, на принципах социальной справедливости, гуманизма.

Но тут возникает вопрос: нет ли наряду с этим каких-либо особых правовых начал, которые обрисовывали бы специфику различных правовых систем с юридической стороны? Чтобы разобраться в таком вопросе, нам придется провести небольшой урок, так сказать, юридической грамоты...

Что-то вроде «юридического ликбеза»?

— Нет, это будет урок более высокого уровня, похожий на занятие с начинающими правоведами — студентами-первокурсниками юридического вуза. Суть задания: учащимся предлагается сравнить тексты двух законов и определить, в чем различие правовых начал, на которых они построены. И, надо сказать, большинству учащихся удастся справиться с такого рода заданием. Предлагаю попробовать. Нужно лишь сосредоточиться, проявить некоторую внимательность.

Итак, два юридических текста, познакомиться с которыми, наверное, вообще интересно.

Первый — из Жилищного кодекса РСФСР. В статьях 67—73 этого кодекса регулируется порядок обмена жилой площади. Теперь внимание! Вот выдержка из статьи 67: «Наниматель жилого помещения вправе с письменного согласия проживающих совместно с ним членов семьи... произвести обмен занимаемого жилого помещения с другим нанимателем...», а вот из другой статьи — 73: «Обмен жилого помещения не допускает-

ся», после этих слов стоит двоеточие и приводится исчерпывающий перечень из семи пунктов («...2) если обмен носит корыстный или фиктивный характер... 5) если помещение является служебным или находится в общежитии...» — всего, повторю, семь оснований, когда обмен не допускается).

Теперь — второй юридический текст. Выдержки из Кодекса законов о труде РСФСР. Первая фраза статьи 63 этого кодекса — мы коротко именуем его КЗоТ РСФСР — гласит: «Работа в выходные дни запрещается», и дальше: «Привлечение отдельных рабочих и служащих к работе в выходные дни допускается в следующих исключительных случаях», после этих слов опять стоит двоеточие и приводится исчерпывающий перечень (таких случаев всего три: «...для предотвращения или ликвидации общественного или стихийного бедствия... для предотвращения несчастных случаев... для выполнения неотложных, заранее непредвиденных работ...» — три основания, когда администрации дается это право).

Внешне в обоих текстах много похожего. И слова как будто бы одни и те же, близкие — «вправе», «не допускается», «допускается». А вот юридические начала, на которых построено юридическое регулирование в том и другом случаях, прямо противоположные...

Не связано ли это с двумя формулами, хорошо известными и неюристам и тоже на первый взгляд производящими впечатление чуть ли не игры слов? Первая формула — «дозволено все, кроме запрещенного» и вторая — «запрещено все, кроме дозволенного». Кажется, они точно соответствуют смыслу приведенных текстов.

— Правильно. Обмен жилой площади построен по формуле — «дозволено все, кроме запрещенного», то есть съемщик вправе обменять свою площадь на другую во всех случаях, кроме тех семи, которые прямо указаны в законе. А вот привлечение рабочего или служащего к работе в выходные дни базируется на второй формуле — «запрещено все, кроме дозволенного», то есть на администрацию возложена общая обязанность — запрет не привлекать членов коллектива к работе в выходные дни, кроме тех трех оснований, о которых тоже прямо сказано в законе. Видите, какие четкие, синхронно точные соотношения!

Здесь только нужно в том и другом случаях сделать ударение на юридических правах. Вспомните, что ранее говорилось в отношении права в целом и почему право называется правом. Ведь и в данных текстах — причем не только в первом, но и во втором случае — речь идет о правах. Различен лишь порядок их предоставления: в первом случае — порядок **общедозволительный** (дано общее право на обмен и точно указаны исключения), то есть по принципу — «все кроме», а во втором — **разрешительный** (администрации даны ограниченные права при наличии точно указанных в законе оснований), то есть по принципу — «разрешено только».

На этом небольшой урок юридической грамоты закончим, и можно вернуться к вопросам, которые мы начали обсуждать.

Значит, попробуем использовать полученные на «уроке» данные для оценки правовых особенностей юридических систем тех или иных стран, а затем «выйдем» на проблемы сегодняшнего дня. Это имеется в виду?

— Именно таков план нашего разговора.

И весьма примечательно, что первое слово будет предоставлено В. И. Ленину. Молодой Владимир Ильич, с блеском завершивший университетское юридическое образование и обогативший его хотя и краткой, но весьма содержательной практической работой, в своих первых исследованиях по марксистской теории в ряде случаев использовал юридические знания в ходе углубленного анализа фактов действительности и формулировал при этом важные научные положения, которые, в частности, касаются порядка предоставления прав тем или иным лицам и — что особенно существенно — их значения при оценке юридических особенностей правовой системы.

Вот что писал В. И. Ленин в отношении законодательства царской России (приводимая далее выдержка взята из второго тома Полного собрания сочинений, с. 285). Русские законы можно вообще разделить на два разряда: одни законы, которыми предоставлены права рабочим и простому народу вообще, другие законы, которые запрещают что-либо и позволяют чиновникам запрещать. «В первых законах, все самые мелкие права рабочих *перечислены с полной точностью*... В законах второго рода *всегда* даются только общие запрещения *без всякого точного перечисления*, так что администрация может запретить *все, что ей угодно*...»

Не правда ли, сжатая, юридически строгая, емкая характеристика законодательства царской России! И дана она путем указания на использование в законодательстве жесткого разрешительного порядка в отношении прав рабочих и всего трудового народа. В. И. Ленин подчеркивает общую запретительную направленность (в отношении рабочих, трудящихся) за-

конодательства и именно таким путем вскрывает его эксплуататорское, угнетательское нутро, всевластие царской администрации, которая может «запретить все, что ей угодно».

Советское законодательство строится на принципиально иных правовых началах, оно воплощает власть трудового народа, нацеленность на защиту прав трудящихся. Ему, в отличие от законодательства в эксплуататорском обществе, имеющего (в отношении трудящихся) преимущественно общезапретительный характер, присуща общедозволительная направленность — предоставление людям труда, всем гражданам широких юридических прав, причем по принципу «все кроме».

Обратимся еще раз к выдержкам из жилищного и трудового законодательства, которые были использованы нами на «уроке» юридической грамоты. Они конкретно показывают, что и в отношении обмена жилой площади, и в отношении отдыха в выходные дни юридическое регулирование строится таким образом, что права граждан вовсе не «расписаны с полной точностью», а, напротив, строятся на общем дозволении — по принципу «все кроме». А вот для работников аппарата — работников жилищных органов, администрации предприятий — их полномочия, в противовес полномочиям администрации в царской России (имеющей общее право «запретить все, что ей угодно»), как раз расписаны с полной точностью, строятся на началах строго разрешительного порядка, то есть по принципу — «разрешено только».

Надо полагать, что примеры из законодательства лучше всяких самых громких слов способны четко расставить акценты при освещении различных правовых систем, высветить принципиально новую природу

юридического регулирования в социалистическом обществе.

Что же, это действительно очень важно! Наша сегодняшняя нацеленность на гласность, правдивость, открытый и честный разговор о недостатках и издержках не должна приводить к тому, чтобы заслонялись и отодвигались те завоеванные ценности и достижения, которыми может гордиться мир социализма. Но все же, наверное, рассказ о двух порядках юридического регулирования был затеян не для того, чтобы вызвать наш восторг (увы, как часто ранее было именно так) и на этом поставить точку. Наверное, он поможет разобраться с тем центральным, ключевым пунктом в юридической области, который связан с перестройкой, с теми радикальными преобразованиями, которые проводятся в нашей стране.

— Да, настало время вернуться к основной теме нашего разговора.

В целом наше советское право (в отношении интересов трудящихся, их положения, прав) имеет общедозволительную направленность, хотя в нем необходимое место занимают и нормативные положения, обеспечивающие четкое выполнение обязанностей, нужную организованность, проведение плановых начал, дисциплины.

Но вот в области хозяйственного управления, деятельности предприятий в связи с неоправданным возрастанием сугубо административных, бюрократических методов, формалистических тенденций произошла де-

формация юридического регулирования, и на первое место выдвинулся, приобрел доминирующее значение разрешительный порядок, то есть порядок, построенный по принципу «разрешено только». И главной формой, документальным его воплощением стали ведомственные акты, инструкции.

А общедозволительный порядок («все кроме»), он что — в этой области, в хозяйственных отношениях, в сфере обслуживания совершенно исчез?

— Нет, не исчез. В том-то и особенность юридического регулирования при доминировании административно-бюрократических методов управления, что оно предопределило своеобразную, не обусловленную самой природой социализма расстановку двух порядков регулирования.

Общедозволительное начало предоставления прав — действует. Но кто обладает правами на таких началах? Органы хозяйственного управления! Они — министерства, государственные комитеты, главки, другие ведомства — могут в принципе давать любые распоряжения, которые предприятия и организации должны непременно выполнять.

Позвольте выразить сомнение в этом утверждении. Ведь, как известно, было издано большое количество положений, правил, регламентов, которые юридически регулировали и регулируют правовое положение ведомств, их задачи, функции...

— Таких актов — много. В этих актах, как показывает анализ их содержания, определяются права, функции, направления деятельности министерств и других ведомств, ряд других вопросов. Но ни в одном из них не было и нет исчерпывающего (подчеркну — исчерпывающего!) перечня прав ведомств по отношению к предприятиям и организациям. А исчерпывающий перечень прав — могучая юридическая сила, действенный правовой механизм. При помощи исчерпывающего перечня определяется исключительная компетенция (кстати, тоже важная сторона юридического регулирования в некоторых областях) и в то же время очерчиваются пределы, за рамки которых ведомство не вправе выходить. Исчерпывающий перечень прав, как мы видели, и является четким показателем разрешительного порядка регулирования. Нет его — а его в отношении ведомств до последнего времени не было — значит, ведомство действует в принципе на общедозволительных началах, которые с юридической стороны и выражают административно-бюрократические, командные методы управления.

Теперь ход рассуждений ясен. Расстановка двух порядков регулирования, следовательно, такая: с одной стороны, ведомства действуют на началах общедозволительного порядка, им в принципе дозволено любое командование по хозяйственным вопросам. Предприятия же и организации должны подчиняться такого рода командам. Они действуют, значит, в разрешительном порядке?

— Верно, именно такая расстановка характерна для юридического регулирования хозяйственных отношений при доминировании административно-бюрократических, командных методов. Правда, предприятия и организации и до нового закона имели некоторую имущественную самостоятельность, признавались юридическими лицами, заключали договоры, могли взыскивать санкции в арбитраже. Но все это было буквально обложено «порядком разрешений» — такими процедурами и ограничениями разрешительного плана, что самостоятельность предприятий и организаций по сути дела сводилась на нет или же они просто-напросто не были заинтересованы пользоваться своими правами. При чем нередко опять-таки срабатывал — и здесь уже в негативном плане — «исчерпывающий перечень».

Можно пояснить такого рода ситуацию каким-либо примером?

— Пожалуйста, вот один из них.

Деревообделочным и домостроительным комбинатам было предоставлено право производить из отходов своего основного производства определенные изделия (стружечные плиты, иные поделки) для садоводов. Комбинаты, занявшись поначалу этим нужным делом, потом вдруг прекратили его. Почему? А потому, что по существовавшему в то время строгому порядку отчисление части дохода от продажи подобных товаров в фонд материального стимулирования комбинатов осуществлялось только тогда, когда эти товары входили в исчерпывающий список, утверждаемый «сверху». Стружечные же плиты, например, в такой список не входили, отчисления в фонды части доходов от их продажи не производились, и потому какая-либо заинтересован-

ность в подобном добавочном, и притом обременительном, производстве у комбинатов исчезла.

Разрешительные начала настолько прочно вошли в плоть и кровь хозяйственной жизни в условиях доминирования сугубо административных методов управления, что при решении любых хозяйственных вопросов о допустимости тех или иных действий в плановых или арбитражных органах неизменно нужно было с самого начала документально и точно обосновать — «кто разрешил», «где это записано».

Следует, пожалуй, согласиться с тем, что именно здесь, в расстановке дозволений и запретов, их распределении между органами хозяйственного управления и предприятиями, действительно наметился центральный пункт, узел, от которого решающим образом зависят строй, характер, интенсивность регулирования. И без изменений в этом «ядре» едва ли возможно добиться преобразования регулирования в целом — причем такого, которое соответствовало бы перестройке, хозяйствованию в новых экономических условиях. Правильный подход?

— Причем речь должна идти не просто об изменении, а о крутом, на сто восемьдесят градусов, повороте. И если уместно говорить о революционных — без преувеличения — преобразованиях в юридической области, то вот они! Они именно здесь, в крутом переломе, затрагивающем центральное звено, саму расстановку двух типов юридического регулирования, их распределение между органами хозяйственного управления, с одной стороны, и предприятиями и организациями — с другой.

Это что — прогноз, предположение? Или уже есть определенные данные, факты, свидетельствующие о таком повороте? Ведь после XXVII съезда наша партия, Советское государство, весь народ принимают решительные меры по перестройке, по демократизации, по внедрению экономических методов, принят в связи с этим целый комплекс крупных юридических документов. Может быть, как говорится, лед тронулся?

— О законодательстве, уже принятых и разрабатываемых юридических документах — разговор особый. Но, забегаю чуть вперед, скажу: да, лед тронулся. И не только тронулся, а пошел — пошел мощно, не остановить. И дело не только в законодательных новшествах.

Прежде всего изменилась социально-политическая атмосфера, юридический климат. Однозначно жестко-негативное отношение к административно-бюрократическим методам управления в народном хозяйстве, практические меры по осуществлению широкой демократизации, нацеленность на хозяйскую самостоятельность, предприимчивость, творческую инициативу, да и вообще новый стиль и дух партийно-государственного руководства в стране, обновление всей нашей жизни — все это мощные, реальные факторы. И они уже резко изменили наше правосознание, нацелили на первоочередное осуществление тех положений законодательства (а они есть!), которые выражают в целом общедозволительный характер нашего права, те действующие нормы и правовые принципы, которые уже сейчас могут служить законной базой для развития начал самоуправления (например, Закон о трудовых коллективах), для более ши-

рокого и эффективного использования договорной формы регулирования хозяйственных отношений (например, действующее гражданское законодательство).

В этих условиях ведомственные акты, отличающиеся запретительной и ограничительной жесткостью, если и не отменены, то во всяком случае нередко в какой-то мере утратили свою административно-бюрократическую непреклонность. И хотя во имя высоких идеалов законности, да и существующих еще управленческих порядков нормы всех действующих нормативных актов необходимо соблюдать (повторю: легализация их нарушений повлекла бы национальную беду — крушение законности), на практике отчетливо ощущается стремление не допустить, свести к минимуму связанные с ними возможные негативные последствия.

Но это все — правосознание, атмосфера, среда — субъективная сторона жизни, не всегда достаточно отчетливо уловимая, хотя и вполне реальная, весомая, действенная. Есть же факт в самом законодательстве, который в отношении предприятий четко свидетельствует — да, крутой поворот в регулировании, в утверждении общедозволительных начал в деятельности предприятий, трудовых коллективов уже произошел. Вот какое принципиальное нормативное положение закреплено в новом Законе о государственном предприятии (объединении). Пункт 5 статьи 2 Закона устанавливает, что предприятие — внимание! — «...вправе по собственной инициативе принимать все решения, если они не противоречат действующему законодательству». Все решения! Главное законодательное слово сказано, общедозволительное начало деятельности предприятий стало четкой законодательной нормой.

Более того, указанное начало на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК партии сформулировано в виде твердой

партийной установки, общеполитического, общеправового принципа: «Неясности в вопросе законности или незаконности тех или иных действий в сфере хозяйствования должны быть полностью исключены. Следует шире применять общеправовой принцип: «Разрешается делать все, что не запрещено законом». В соответствии с этой установкой в принятых Пленумом ЦК Основных положениях коренной перестройки управления экономикой записано: «В применении законодательства исходить из того, что предприятию разрешается любая экономическая деятельность, не запрещенная законом».

Что ж, действительно, тут предельная ясность, все стало на свои места, в полном согласии с новыми условиями социалистического хозяйствования, требованиями экономических методов управления. Но это только одна сторона расстановки прав и обязанностей, дозволений и запретов между органами управления и предприятиями, то есть рассмотренных ранее двух порядков. Ведь нетрудно догадаться, что если в регулировании деятельности органов хозяйственного управления не произойдет, так сказать, «синхронных» перемен, то общедозволительные начала в деятельности предприятий могут быть на деле, фактически перечеркнуты. Деятельность органов хозяйственного управления строится также на общедозволительных в принципе основаниях; причем эта дозволенность — властная, императивная, обязательная для предприятий. Как тут обстоят дела?

— И в области правового регулирования управления хозяйственных отношений «сверху» тоже произошел — причем, действительно «синхронный», крутой — поворот в юридическом регулировании.

Припомним: ранее в нормативных юридических актах, регулирующих деятельность органов хозяйственного управления, нигде не устанавливались пределы властных полномочий, тем более исчерпывающий перечень прав, показателей, в рамках которого могли осуществляться императивные властные управленческие функции.

Что же теперь?

Первый, причем довольно серьезный шаг к крутому повороту регулирования, был сделан спустя полгода после съезда, в августе 1986 года. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по совершенствованию хозяйственного механизма в строительстве был установлен перечень плановых показателей и нормативов, которые предусматриваются для строительно-монтажных организаций, и затем сформулирована такая норма (с учетом ее важности приведу текст полностью): «Запретить министерствам и ведомствам СССР, Советам Министров союзных республик и местным органам управления доводить до строительно-монтажных организаций показатели и нормативы, не предусмотренные настоящим постановлением, вводить дополнительные ограничения по фондам заработной платы, штатам и давать указания, противоречащие хозяйственным принципам взаимоотношений. Не допускать ограничения прав этих организаций, регламентации их деятельности и мелочной опеки...» Не правда ли, весьма крутые (с учетом ранее существовавших порядка и регулирования) юридические запреты и ограничения. Причем слова «запретить... доводить... не предусмо-

тренные» свидетельствуют о том, что показатели и нормативы, определенные данным постановлением, носят исчерпывающий характер и что в отношении органов хозяйственного управления вводится строго разрешительный порядок. Подлинная революция!

В 1986 году такого рода шаг по введению строго разрешительного порядка для органов хозяйственного управления был сделан в крупнейшей отрасли народного хозяйства — строительстве. Закон же о государственном предприятии (объединении) возвел разрешительный порядок хозяйственного управления в ранг всеобщего. Прежде всего установлено правило, в соответствии с которым органы хозяйственного управления могут давать указания «только в соответствии со своей компетенцией, установленной законодательством» (п. 3 ст. 9). Вместе с тем развернуты в более подробные нормативные постановления и распространены в качестве общего порядка те принципы и нормы, которые содержались в актах о внедрении экономических методов в строительстве. Согласно п. 1 той же статьи, орган хозяйственного управления не имеет права доводить до предприятий контрольные цифры, экономические нормативы и лимиты сверх утвержденного перечня. Более того, в Законе прямо предписано, что вышестоящий орган обязан «строго соблюдать права предприятия... не вмешиваться в его оперативно-хозяйственную деятельность». Так что по данному вопросу поставлена точка.

Вот и выходит, что юридическое регулирование развернулось на сто восемьдесят градусов. Порядки регулирования поменялись местами. На деятельность органов хозяйственного управления теперь распространяется разрешительный порядок, а на деятельность предприятий — общедозволительный. То есть то, что и тре-

буется для развития социалистического самоуправления, внедрения экономических методов.

Да, впечатляюще. На беглый взгляд, все эти тонкости, а на поверку очень существенные юридические преобразования, и не заметишь. А вот при таком, более детальном разборе юридических вопросов видно, какое большое значение тут имеют, казалось бы, частности, детали. Например, допустим, что после перечня плановых показателей будет поставлена не точка, а сказано (как ранее нередко бывало): «...и другие важнейшие показатели». Ну и что? Раньше посчитали бы — деталь, частности или, более того, — учет целесообразности, необходимости оперативных государственных решений. А теперь отчетливо видно, как из-за нескольких, как будто бы даже оправданных слов положение в принципе не изменилось бы. С опорой на подобные слова органы хозяйственного управления, по сути дела, могли бы давать обязательные распоряжения по любым вопросам («важность» тех или иных акций мы научились доказывать превосходно!).

Здесь, правда, возникают вопросы, относящиеся ко всей системе законодательства, обеспечению при помощи правовых норм необходимой организованности, четкой дисциплины. Мы же пока уяснили сам принцип, крутой поворот в самом «ядре», в расстановке порядков юридического регулирования в условиях перестройки. Можно ли по этой проблеме еще что-либо добавить?

— Пожалуй, только в отношении нашего юридического мышления. Наши правовые представления и даже своего рода чувства, ощущения сложились и были во многом приспособлены к административно-властному, командному, строго разрешительному стилю юридического регулирования. Теперь и тут, в юридическом мышлении, нужен крутой поворот. Для развертывания социалистического самоуправления, утверждения экономических методов управления, возвышения человеческого фактора необходимо юридическое мышление, сориентированное на эффективное использование юридических прав и, следовательно, на самостоятельность, творческую активность, социалистическую предприимчивость. С этой точки зрения актуальным становится повышение правового самосознания, использование надлежащих средств для утверждения и защиты своих прав, о чем говорилось на XXVII съезде партии. Разумеется, при условии высокой организованности, четкой дисциплины, безукоризненного и строгого исполнения каждым гражданином своих юридических обязанностей. Впрочем, к этому вопросу полезно было бы еще раз вернуться.

Четвертый вечер ИСХОДНОЕ ЗВЕНО

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ — НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Исходное звено правового обеспечения — совершенствование законодательства. Мы уже не раз касались его. И примеры во вчерашнем разговоре приводились из этой же области — законодательства. И тут вот какой вопрос: коль скоро происходит крутой поворот в самом «ядре» юридического регулирования, в расстановке порядков регулирования, означает ли это, что требуется полная смена действующего законодательства?

— В данном вопросе важно, как и во всех ранее уже затронутых, правильно расставить акценты. Вспомним: наше, советское социалистическое право — право трудящихся уже имеет общую дозволительную (в отношении трудящихся)

направленность, и это прямо выражено в законодательстве — в Конституции СССР, конституциях союзных и автономных республик, во многих других законах. Крутой поворот, о котором шла речь, затрагивает главным образом те юридические сферы, которых коснулись административно-бюрократические методы управления, прежде всего — юридическое регулирование в области хозяйства, деятельности предприятий, обслуживания населения.

Да и вообще нельзя сбрасывать со счетов несомненные достижения советской законодательной системы. Ее развитие происходит в соответствии с ленинскими идеями на основе Советской Конституции — крупного политико-правового документа нашей эпохи, закрепившего исторические ценности социализма. В СССР законодательно закреплены и стали реальностью важнейшие права человека. Действуют добротные кодифицированные акты в гражданском и жилищном законодательстве, в ряде других отраслей. Законодательная деятельность строится на плановых началах. Высшим достижением в области законоподготовительных работ и систематизации законодательства стали подготовка и издание Свода законов — крупномасштабное мероприятие, о котором мечтал В. И. Ленин.

В действующем советском законодательстве уже есть значительный нормативно-юридический потенциал, который позволяет развивать социалистическое самоуправление народа, внедрять экономические методы управления, добиваться последовательной социальной справедливости. Необходимо лишь, чтобы соответствующие нормативные положения Конституции СССР, законов о Советах, гражданского, трудового, природоохранительного и некоторых других областей

советского законодательства были приведены в действие, реально и эффективно заработали, фактически включились в перестройку.

Но обновленное, а в ряде случаев и новое законодательство все же необходимо, не так ли? В чем суть такого обновления?

— Как четко сказано на XXVII съезде КПСС, в Политическом докладе ЦК партии, это улучшение качества советских законов.

Понятие «качество законодательства» (видите, какая тут прямая связь с общей направленностью нашего социально-экономического, политического развития!) — понятие емкое, охватывающее множество вопросов. Среди них существенное значение имеют организационно-юридические — такие, например, как хорошо поставленное планирование правотворческой работы, ее четкая организация, более полное и эффективное использование достижений юридической техники, отработанность текстов законодательных актов, налаживание быстродействующей и точной системы правовой информации, и ряда других.

Но главное, что охватывается понятием «качество законодательства», — это такой уровень его построения и развитости, совершенства, современности, когда оно действительно готово к решению задач сегодняшнего дня, то есть может быть действенным орудием перестройки, ускорения социально-экономического развития страны. Об этом в общем прямо и сказано в Политическом докладе ЦК: наше законодательство должно еще активнее помогать — обратим внимание на следующие слова! — внедрению экономических ме-

тодов управления, действенному контролю за мерой труда и потребления, проведению в жизнь принципов социальной справедливости. Прежде всего — именно внедрению экономических методов, с чем, как известно, нераздельно связано расширение начал демократизма, социалистического самоуправления народа.

Улучшение качества законов — это понятно; тем более, что оно действительно хорошо вписывается в общий стиль, характер и направленность развития нашего общества в условиях перестройки. Понятно также, что оно в той или иной мере касается всех отраслей советского законодательства (на XXVII съезде, как известно, были упомянуты гражданское и трудовое, финансовое и административное, хозяйственное и уголовное). Но нужно, наверное, выделить участки, так сказать, главного удара. Здесь, в области законодательства, они, конечно, преимущественно связаны с теми сферами, где недавно доминировали административно-бюрократические методы. Но все же нельзя ли более конкретно определить основные направления, на которых происходит улучшение качества законов, обновление советского законодательства?

Направлений здесь не одно, а несколько. Если повторить сравнение с военным искусством, в современных условиях перестройки ставится задача повести «наступление» сразу на нескольких важнейших участках «сходящимися», скоординированными ударами,

с тем чтобы в ближайшее время добиться общего, решающего успеха во всей «кампании».

Так, один из решающих участков развития советской законодательной системы в наши дни — надлежащее законодательное обеспечение углубления демократических начал во всех сферах жизни общества, развитие социалистического самоуправления. Действующая Конституция, довольно обширное законодательство о Советах народных депутатов уже сейчас дают нужную правовую основу для дальнейшего совершенствования социалистической демократии. Но и тут, конечно же, нужны новые законодательные решения. Тем более, что в ряде случаев, как мы увидим, они вызваны экономическими проблемами. В соответствии с планом подготовки законов и иных важнейших нормативных актов, принятым в августе 1986 года, подготавливаются законодательные и иные важные юридические документы о повышении роли собраний рабочих и служащих, о печати и информации и ряд других. Особо нужно выделить принятые в июне 1987 года Закон СССР о порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан (акт, который призван существенно изменить управленческо-правовую ситуацию в области деятельности государственного аппарата), а также Закон СССР о всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни.

Намечаются в сфере углубления демократических начал и другие законодательные решения. Видимо, центральным среди них станет комплекс мер по совершенствованию избирательной системы. Проведение летом 1987 года в порядке эксперимента выборов в местные Советы народных депутатов по многомандатным избирательным округам — в РСФСР такого рода вы-

боры в районные, городские (городов районного подчинения), поселковые и сельские Советы проведены в 75 районах — позволяет на практике проработать принципиально новые избирательные институты (выдвижение кандидатур, превышающих число мандатов; статус резервного депутата), активизирует порядок формирования местных органов власти, дает обширный материал для подготовки общих решений по вопросам совершенствования советской избирательной системы.

Если же взять сферы жизни общества, где в прошлом административно-бюрократические методы управления сказались непосредственно на законодательстве наиболее негативно, то в качестве главного направления улучшения качества законов следует назвать народное хозяйство. Да и вообще это ударный участок жизни нашего общества, перестройки, ускорения социально-экономического развития, где требуется действенная помощь закона. Недаром в Политическом докладе ЦК XXVII съезду среди проблем, на которые должно быть направлено эффективное законодательное воздействие, под номером один названо внедрение экономических методов управления, а на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК партии указано на важность широкой законодательной деятельности для организации обеспечения намечаемых преобразований в области управления народным хозяйством, оформления правового механизма экономической реформы. К тому же, увы, получилось так, что хозяйственное законодательство — этим собирательным термином охватываются все отрасли законодательства, участвующие в экономической жизни, — оказалось наиболее отстающей среди всех законодательных сфер.

Чем это объяснить? Ведь народному хозяйству и всему, что с ним связано, уделяется в нашей стране неизменно повышенное внимание. Может быть, сказалась долгая, вышедшая и на страницы широкой печати дискуссия в юридической науке о хозяйственном праве, о Хозяйственном кодексе?

Да, такая дискуссия, действительно, развела правоведов на полярные позиции (одни стали сторонниками издания единого хозяйственного кодекса, другие — издания нескольких фундаментальных законов), а главное, приняла такую остроту и такой характер, что не способствовала консолидации усилий ученых, выработке плодотворных конструктивных решений.

Едва ли стоит касаться существа и последствий этой дискуссии, чтобы не усугублять и без того непростую ситуацию в юридической науке провозглашением «побед» и «поражений» (стиль в науке вообще не самый лучший). Тем более, что сторонники единого хозяйственного кодекса опирались на существовавшие в то время реалии — устойчиво негативный взгляд на товарное производство, действительно происходившее в ту пору сближение управленческих и имущественно-стоимостных отношений; к тому же их попытки сформулировать некоторые общие начала правового регулирования в области хозяйства в принципе являются позитивными (так же, как и некоторые конкретные результаты исследований, например, внутривозрастных отношений). Ныне же сам ход социально-экономического развития, сформулированные на XXVII съезде КПСС теоретические положения, направления законодательной деятельности внесли в вопросы, обсуждавшиеся на дискуссии, нужную ясность.

Но в целом, быть может, стоит «повернуть» проблему? У нас, к сожалению, иной раз при объяснении тех или иных сложностей, трудностей, недостатков любят искать виновников среди юристов (возьмите, например, преступность; это сложнейшая общесоциальная проблема, а ведь немало людей считают — «во всем виноваты юристы»). И не наблюдаем ли мы похожую картину, когда речь заходит о недостатках хозяйственного законодательства? Не служила ли упомянутая дискуссия, ее острота, характер, принципиальная нерешенность проблемы только поводом к тому, чтобы не решать ее и практически? Ведь кому-то это выгодно. То есть не «кому-то», а теперь ясно, кому — приверженцам административно-бюрократических, командных методов управления, которым право как реальная основа деятельности в области хозяйства вообще не нужно. Нужны только «разговоры по поводу» или на крайний случай — такие решения, которые бы создавали лишь видимость правовой основы, не мешающей или, лучше того, оправдывающей административно-бюрократические, командные методы.

Итак, хозяйственное законодательство оказалось, судя по всему, самой отстающей сферой законодательства. Понятно, что здесь требуется существенно обновленное, во многом новое законодательство. Между тем подготовка закона — дело архисложное, трудоемкое, длительное. Как же быть? Ведь поставленные на XXVII съезде задачи требуют энергичного, незамедлительного осуществления. Как и в каком направлении найден выход из создавшейся ситуации?

Прежде всего, сразу после XXVII съезда началась довольно интенсивная работа по подготовке ряда законов по хозяйственным вопросам, причем в качестве первоочередных были намечены к подготовке и изданию те, которые в состоянии быстро изменить экономическую ситуацию. Они и были включены в план подготовки законов, иных важнейших актов, который был принят Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР в конце августа 1986 года.

Но срочность, неотложность надлежащего правового обеспечения перестройки, реального осуществления мер по внедрению экономических методов управления, которые иначе не могут быть выражены, как только в партийных, государственно-юридических документах, потребовали подготовки и издания ряда совместных постановлений Центрального Комитета партии и Совета Министров СССР (а это вопросам, связанным с трудовыми правами, — еще и ВЦСПС).

Только за полгода, сразу же после съезда, была издана серия совместных актов поистине революционного характера, причем интенсивность их издания, сравнимая, пожалуй, с интенсивностью правотворчества в первые месяцы после Октября, подтверждает решительный, действительно революционный дух и темп идущих в настоящее время преобразований.

Начиная с марта 1986 года чуть ли не каждый месяц издается крупный совместный партийно-государственный акт высокого общественного и юридического значения, затрагивающий преимущественно два круга проблем:

первый — внедрение экономических методов в определенную отрасль народного хозяйства — агропром, торговлю и потребительскую кооперацию, капитальное строительство (март, июль, август);

второй — решение ключевых вопросов хозяйственной жизни, таких, в частности, как вопросы качества продукции (май), механизма выполнения договорных обязательств (июнь), возможности самостоятельной внешнеэкономической деятельности предприятий (август), организации заработной платы на принципиально новых экономических началах (сентябрь). Еще раз подчеркну: все это — масштабные стержневые хозяйственно-организационные проблемы.

Издание таких крупных актов продолжалось и в последующие месяцы 1986 года, и в 1987 году (о кооперативных организациях, о совместных предприятиях, о Государственном арбитраже, об использовании новейшего оборудования в порядке многосменной работы).

Что характерно для всех указанных актов?

Главное — это последовательное, деловое, конкретизированное воплощение определенных XXVII съездом партии направлений социально-экономического развития, его ускорения, необходимых для обеспечения такого развития механизмов. Наиболее примечательными в рассматриваемом отношении являются следующие две линии.

Первая линия: всемерная активизация деятельности трудящихся масс, повышение роли профсоюзов, других общественных организаций. Во всех без исключения упомянутых совместных постановлениях предусматривается согласование решения хозяйственных, организационных и иных вопросов с профсоюзами, трудовыми коллективами, органами общественности.

Вторая линия: выработка действенных стимулирующих механизмов, эффективных средств, способных резко поднять материальную заинтересованность тружеников, хозяйскую активность, социалистическую предприимчивость. Причем найдены и реально воплощают-

ся в жизнь смелые экономико-организационные решения, мощные стимулирующие рычаги — такие, как свободная продажа сельскохозяйственной продукции в счет плана (до 30%), выход предприятий на международный рынок с бронированием за ними валютных поступлений, существенное (для рабочих — без «потолка») повышение заработной платы в производственных отраслях за счет собственных заработанных коллективами средств и др.

В ряде совместных постановлений — по вопросам качества продукции, о механизме выполнения договорных обязательств — выстраивается последовательная цепь экономико-организационных, правовых институтов, в которых решающее значение имеют качественные показатели работы, выполнение плана реализации по договорам; эти же показатели прямо, в процентах отражаются на состоянии фондов материального поощрения предприятий, системе премий и в свою очередь как бы «возвращаются» к рабочим и служащим, непосредственно сказываются на объеме коллективного и индивидуального вознаграждения тружеников.

В одном из таких нормативных актов (по вопросам капитального строительства) сделан крупный шаг по крутому повороту в самом характере юридического регулирования: органам хозяйственного управления запрещается давать обязательные распоряжения за пределами установленного перечня.

Вместе с тем надо видеть, что при всей важности, неординарности, смелости принятых решений, охватывающих важнейшие отрасли народного хозяйства и существенные вопросы хозяйствования, и при том заметном влиянии, которое оказали принятые решения на хозяйственную жизнь, это только первые шаги, в целом пока не изменившие ситуацию в народном хозяйстве, в

юридическом регулировании хозяйственных отношений. Необходимы еще более крупные, кардинальные решения, которые должны быть, конечно же, выражены и осуществлены в законе. И вот тут нужно отметить, что наряду и в сочетании с подготовкой новых законов насущной задачей первоочередного характера является восстановление реального регулирующего действия, своего рода возрождение гражданского права как мощного регулирующего фактора в народном хозяйстве. Тем более, что в плане подготовки законов и иных важнейших актов предусмотрено в недалеком будущем издание (и, что характерно, именно в разделе о законодательстве по вопросам совершенствования хозяйственного механизма и управления народным хозяйством) законодательного документа о внесении изменений и дополнений в Основы гражданского законодательства.

Тут возникает (и не скрою — у многих) ряд недоуменных вопросов, требующих разъяснений. Прежде всего кажется странной сама возможность использования гражданского законодательства в области хозяйства: ведь термин «гражданское» как будто бы говорит о том, что речь идет о юридических нормах, посвященных именно гражданам. И кроме того, почему именно сейчас, в наш высоко индустриальный век применительно к хозяйственным отношениям в условиях высокой социалистической организованности, плановых начал необходимо использование гражданского права как мощного регулирующего фактора?

— По этим вопросам, действительно, нужны разъяснения, и сравнительно развернутые.

Сначала о термине «гражданское законодательство». Это термин в определенной степени условный (таких условных терминов в области права немало, например «сделка» по нашему законодательству — любой договор, а не какие-либо ухищрения, упречные комбинации), представляющий собой буквальный перевод латинского *ius civile* — право, касающееся гражданского общества. Впрочем, такой смысл вкладывает в него не только юриспруденция. В философии, социологии мы тоже говорим о гражданском обществе, в отличие от общества политического. И с этой точки зрения под гражданским законодательством понимаются законы (у нас это прежде всего общесоюзные Основы гражданского законодательства, Гражданские кодексы союзных республик), посвященные имущественным и некоторым неимущественным отношениям между неподчиненными лицами, строящимся на их самостоятельности, автономии, юридическом равенстве.

Теперь — почему гражданское право, его регулятивный потенциал нужны именно сейчас? А потому, что так тоже сложилось, сформировалось исторически: гражданское право приспособлено для регулирования отношений, которые связаны с товарно-денежной стороной экономики, — стоимостных имущественных отношений. В этой отрасли законодательства сосредоточены такие эффективные правовые средства и юридические механизмы, которые призваны обеспечивать имущественную самостоятельность организаций и граждан, надежные юридические формы их взаимоотношений, порядок восстановления нарушенного имущественного состояния, возмещения имущественных потерь (категории права собственности, юридического

лица, договора, защиты права, возмещения убытков и др.).

И вот — факт, который не должен пройти незамеченным. Когда в начале 1920-х годов при переходе к нэпу в народное хозяйство по инициативе В. И. Ленина стал вводиться хозяйственный расчет — а хозрасчет есть не что иное, как организационно-экономическая форма новых по содержанию товарно-денежных отношений при социализме, их использование на плановых началах, — то сразу же, одновременно было выработано и введено в действие советское гражданское законодательство. Владимир Ильич принимал участие в разработке Гражданского кодекса РСФСР, давал указания по формулированию его ключевых положений, вносил поправки в текст, добиваясь того, чтобы гражданское право было социалистическим, отвечающим условиям и требованиям принципиально нового, социалистического хозяйства.

Когда же доминирующее значение приобрели административные, командные методы управления, а хозрасчет утратил свою роль, советское гражданское законодательство (никем не отмененное!) фактически потеряло свою былую регулирующую силу, было оттеснено громадой ведомственных актов, инструкций, опосредующих административную управленческую деятельность органов хозяйственного управления. Появились и в науке разработки, подводившие теоретическую базу под подобную ситуацию.

Нынешнее время — время энергичного внедрения экономических методов в управление. А экономические методы базируются на эффективном использовании новых по содержанию товарно-денежных отношений, экономических рычагов социалистического планово-товарного производства, что и находит свое выражение в

полном хозяйственном расчете, самокупаемости, самофинансировании.

Каковы же те юридические нормы, которые приспособлены для регулирования возникающих на этой основе имущественных и некоторых личных неимущественных отношений? Иных юридических механизмов, другого юридического инструментария, кроме того, который сосредоточен в гражданском законодательстве, не существует. Иной альтернативы здесь нет. Вполне обоснованно поэтому в документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, в Законе о государственном предприятии (объединении) при указании на характер новых экономических отношений между предприятиями (объединениями) говорится об оптовой торговле, свободной купле-продаже и других категориях, которые регулируются именно гражданским правом.

Конечно, институты гражданского права — права собственности, юридического лица, договора, гражданской ответственности и другие — должны быть приведены в соответствие с современным этапом и уровнем развития экономических отношений (это предполагается сделать в упомянутом ранее законодательном документе). Да и вообще теория современного социалистического гражданского права требует во многом новой научной проработки, более полного и органичного учета его социалистической природы, планово-организованного характера товарно-денежных отношений, развивающихся на социалистической основе. Но при всем том гражданско-правовые ценности, достижения высокой цивилистической культуры, тончайшие юридические формы, опосредующие самостоятельную, инициативную деятельность участников имущественных отношений, должны быть поставлены на службу перестрой-

ке, ускорению социально-экономического развития страны.

Ныне, после длительного господства административно-бюрократических методов управления, сложившегося, увы, настроя против цивилистики как чего-то старого, отжившего, ушедшего в прошлое, необходимы активные меры по восстановлению действия гражданского права как реального регулирующего фактора. Потому что, скажу еще раз, без правовых форм, предусмотренных в гражданском законодательстве, невозможны действительное проведение в жизнь экономических методов, обеспечение самостоятельности предприятий, социалистическая предприимчивость. Да и все иные законы по хозяйственным вопросам должны быть подготовлены с учетом действия гражданского законодательства, в координации с ним. Восстановление же функционирования в экономической области гражданского права, его своего рода ренессанс, потребует не только ясности на этот счет теоретических установок (они уже есть), но и, быть может, прямого указания в одном из фундаментальных законов по хозяйственным вопросам на то, что хозяйственная самостоятельность и имущественно-стоимостные отношения между предприятиями, всеми участниками хозяйственной жизни обеспечиваются гражданским законодательством.

Какие же новые законы нужны для правового обеспечения перестройки, хозяйствования в новых экономических условиях ускорения социально-экономического развития? И в первую очередь — какие новые законы способны эффективно и быстро изменить саму экономическую ситуацию?

— Здесь нужно указать на два закона, один из которых (второй) вообще является фундаментальным в хозяйственной жизни, — Закон об индивидуальной трудовой деятельности и Закон о государственном предприятии (объединении). Оба они и были предусмотрены в качестве первоочередных в плане подготовки законов и, как известно, уже приняты: первый — в ноябре 1986 года, второй в июне 1987 года. Закон об индивидуальной трудовой деятельности уже работает (он вступил в действие в мае 1987 г.); Закон о государственном предприятии вводится в действие с 1 января 1988 г.

Кстати, нельзя не заметить, что оба закона по своему содержанию нераздельно связаны с гражданским законодательством. Хотя, в соответствии с первым, организация индивидуальной трудовой деятельности предполагает необходимость соответствующих разрешений, регистраций и т. д., то есть административно-правового регулирования, сама эта деятельность, возникающие в связи с ней разнообразные имущественные отношения рассчитаны на широкое гражданско-правовое регулирование. Закон же о государственном предприятии, вообще утверждая планово-товарные начала в деятельности предприятия (которое он прямо называет социалистическим товаропроизводителем), тем самым законодательно закрепляет саму экономическую основу действия гражданского законодательства. Но не это главное, что нужно отметить.

Если Закон об индивидуальной трудовой деятельности ярко и наглядно свидетельствует о направлении и характере хозяйственной политики партии и государства в условиях перестройки, то Закон о государственном предприятии (объединении) имеет фундаментальное значение, он «призван, — как было отмечено на январ-

ском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, — коренным образом изменить условия и методы хозяйствования в основном звене экономики». Более того, в связи с тем что потребности хозяйственной жизни в условиях перестройки вызвали необходимость первоочередного издания именно этого Закона, в нем получили закрепление и важнейшие общие начала хозяйственной политики, общие принципы хозяйственной деятельности в новых экономических условиях, в том числе такие принципиально новые, как начала хозрасчетного дохода, экономического соревнования, постепенного перехода к оптовой торговле, договорным ценам, и ряд других.

Самое же существенное с юридической стороны заключается в том, что Закон о государственном предприятии (объединении) совершил крутой поворот в юридическом регулировании хозяйственных отношений, «поменял местами» порядки регулирования: ввел разрешительный порядок для деятельности органов хозяйственного управления и общедозволительный — для деятельности предприятий, всех хозяйственных организаций. Так что своего рода юридическая революция в данной области социальной жизни свершилась!

Целесообразно упомянуть о еще одном важном юридическом новшестве, проведенном в Законе о государственном предприятии. Это — твердое закрепление за предприятием переданных в его распоряжение оборотных средств и хозрасчетного дохода, то есть прибыли, получаемой предприятием в результате своей хозяйственной деятельности. И то и другое, согласно Закону, «изъятию не подлежат» и, следовательно, используются коллективом предприятия, и только им.

Наряду с кардинальными мерами по внедрению экономических методов, полного хозрасчета, самофинансирования Закон предусматривает решительные шаги по

развитию демократических начал в управлении (выборы руководителей предприятия всех рангов, широкие полномочия общего собрания коллектива, образование и наделение значительными правами совета трудового коллектива). Достоин внимания при этом то, насколько развитие демократических начал взаимосвязано с кардинальными экономическими мерами: теперь коллективу не только есть что решать (основные вопросы хозяйственной, производственной жизни предприятия и может, и должно решать само, самостоятельно), но ему не безразличны основные управленческие решения, в том числе, кто будет руководить коллективом, в каком объеме и в какой номенклатуре будет сформирован план. Плюс к тому в Законе прямо предусмотрено, какие конкретные важнейшие вопросы жизни коллектива должно решать общее собрание, то есть использован положительный эффект «исчерпывающего перечня», и, кроме того, общему собранию коллектива предоставлено мощное право: при несогласии администрации с советом трудового коллектива вопрос решается на его общем собрании.

Итак, уже приняты Закон об индивидуальной трудовой деятельности и Закон о государственном предприятии (объединении), являющийся экономической и правовой основой деятельности этого главного звена экономики. Но, видимо, должны быть и другие акты, которые образуют законодательную, нормативную базу хозяйствования в новых экономических условиях.

— Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС в основном одобрил подготавливаемый к изданию «пакет» ак-

тов по крупнейшим вопросам перестройки управления, — с тем чтобы привести централизованное управление в соответствие с Законом о предприятии. Далее, в уже не раз упоминавшемся плане законоподготовительных работ (он рассчитан на 1986—1990 годы) предусмотрен ряд важнейших юридических документов по экономическим вопросам. В их числе — Закон об атомной энергетике, Общее положение о министерствах СССР, Общее положение о государственных комитетах СССР, Положение о межотраслевых производственных и промышленно-торговых объединениях по изготовлению и реализации товаров легкой промышленности, Закон о качестве продукции, Закон об открытиях, изобретениях и лицензиях. Причем некоторые акты, указанные в плане, конкретно, «по имени», не названы, — говорится лишь о подготовке предложений по тем или иным вопросам и, стало быть, дается известный простор для инициативы по разработке проектов юридических документов (указана, например, необходимость подготовки предложений по вопросам использования вторичных ресурсов, улучшения управления отраслями транспорта).

Что же, законодательных и иных важнейших актов, предусмотренных к изданию, немало. Но достаточно ли их для правового обеспечения перестройки, ускорения социально-экономического развития?

— Отвечу — нет. И для того, чтобы пояснить это «нет», вот какое общее соображение.

Как сам хозяйственный механизм, хозяйственное управление в новых экономических условиях должны быть целостными, отработанными, завершенными, точ-

но так же цельной и завершенной должна быть законодательная основа их правового обеспечения. Такого рода цельность, завершенность имеет две стороны.

Первая. Законодательное регулирование должно быть беспробельным, законы по хозяйственным вопросам — составлять плотную, замкнутую цепь. Тем более, что на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК партии указано на значение законов, — на то, что законы должны являться, как правило, актами прямого действия и быть обращены непосредственно к трудовым коллективам, государственным и общественным органам, должностным лицам и гражданам. Останется пропущенным какое-либо звено в законодательном регулировании — и сразу же в эту брешь ринутся «инструкции», значит она неминуемо будет заполнена административным усмотрением. Из числа крупных звеньев законодательного регулирования, не предусмотренных планом законоподготовительных работ, следует назвать два, наиболее важных — народнохозяйственное и социальное планирование, а также финансы и кредитование.

Вторая. Необходимо, чтобы все законодательные акты были настроены на одну волну, пронизаны едиными началами, принципами хозяйственной политики в современных условиях — господства экономических методов управления, сочетания стратегического планового руководства и обеспеченной самостоятельности предприятий, широких прав трудовых коллективов.

И тут я подхожу к одной идее, которую мы вместе с моими коллегами, единомышленниками по данной проблеме, давно уже вынашиваем. Это — необходимость подготовки и издания основополагающего акта в области управления народным хозяйством — Закона об основах управления народным хозяйством (мы называем

его и по-другому — Основами законодательства об управлении народным хозяйством).

Но уже есть фундаментальный закон по правовому регулированию в области народного хозяйства — Закон о государственном предприятии (объединении), который является стержнем нормативных актов по хозяйственным вопросам. Разве его недостаточно?

— Закон о государственном предприятии (объединении), при всем его фундаментальном значении, затрагивает основное звено хозяйственной системы, важное, но все же — звено, а не все народное хозяйство в целом, не общие начала и принципы его законодательного регулирования, функционирования и взаимодействия различных звеньев по хозяйственным вопросам, управленческую деятельность. Если Законом о государственном предприятии (объединении) и охвачены некоторые общие вопросы, то главным образом потому, что он в силу необходимости «пошел» первым и неизбежно затронул — не мог не затронуть — общие проблемы. Между тем эти общие проблемы, причем в полном их объеме, в развернутом виде, нуждаются в самостоятельном, особом решении и урегулировании. Помимо иных весьма существенных моментов, без специальной законодательной поддержки в акте высокого ранга едва ли может быть восстановлено как реальный регулирующий фактор (ныне, мы видели, оттесненный гигантским монолитом инструкций, иных ведомственных актов) советское гражданское законодательство — целостный, скоординированный комплекс средств и механизмов, специально приспособленных для обеспечения

хозяйственной самостоятельности, инициативы, заинтересованной деятельности.

Таким образом, хотя Закон о государственном предприятии (объединении) и создает в целом новую ситуацию в народном хозяйстве, означает крутой поворот в юридическом регулировании, но эта новая ситуация и этот крутой поворот не носят еще полностью законченного характера, не поднимают законодательство по хозяйственным вопросам целиком на новый качественный уровень.

И вот с этих позиций оказывается, что ключом к решению рассматриваемого вопроса явилось бы осуществляемое параллельно и во взаимосвязи с Законом о государственном предприятии самостоятельное закрепление в нормативном акте высокого ранга правовых начал хозяйственной политики — принципов хозяйствования в новых экономических условиях. Такой акт и мог бы быть назван Законом об основах управления народным хозяйством (или Основами законодательства об управлении народным хозяйством).

Наряду со всеми другими вопросами, относящимися к хозяйственному управлению — структура управления, органы управления и т. д. — «изюминкой» такого основополагающего в области хозяйства акта должно стать четкое, однозначно категорическое законодательное фиксирование начал и руководящих положений о перестройке, о самих основах хозяйственной деятельности в новых экономических условиях (хозрасчетность хозяйственной деятельности, социалистическая предприимчивость, коллективный подряд и др.), а главное, тех правовых идей, которые прямо выражают требования перестройки, хозяйствования в новых экономических условиях, обобщенное и прямое формулирование принципа преимущественно общедозволительного ха-

рактера регулирования для предприятий, всех участников непосредственно хозяйственной деятельности, и в связи с этим закрепление ряда важных норм, таких, в частности, как свобода хозяйственных договоров, запрещение изменения условий хозяйственной деятельности ведомствами в процессе ее осуществления. Рассматриваемый акт должен юридически выразить и закрепить новое видение хозяйственного управления вообще, вытекающее из решений XXVII съезда партии, — такое видение, которое отвергает ранее существовавшее представление о нем как о чуть ли не «труде богов», а, напротив, утверждает его глубокий демократизм, своего рода двусторонность, реализующую глубоко демократические начала — органическое сочетание принципов централизации и самоуправления, новую концепцию централизма. Именно в законе такого ранга, как Основы, должна быть воплощена установка июньского (1987 г.) Пленума ЦК на необходимость строгих правовых процедур принятия хозяйственных решений на основе нового законодательства, исключения возможности волюнтаризма на всех уровнях хозяйственной системы. Словом, рассматриваемый акт призван непосредственно и в целом выразить на «языке закона» положения XXVII съезда, июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС по вопросам хозяйственного управления, отлить в строгие правовые формы направления и характер перестройки, хозяйствования в новых экономических условиях, придать соответствующий характер всему нормативно-юридическому регулированию в народном хозяйстве. Он способствовал бы четкой и завершенной систематизации всего нормативного материала в области хозяйства, замкнул бы целостную систему нормативных актов по хозяйственным вопросам.

Такой акт требует подготовки и издания в сроки, не

столь уж отдаленные по времени от издания Закона о государственном предприятии (соответствующие разработки и материалы уже существуют). И необходимо это как раз потому, что такой фундаментальный Закон вместе с другим фундаментальным законодательством, с Законом о предприятии способен — при одновременной реальной реорганизации аппарата хозяйственного управления — сделать всеобщим и необратимым, полным и завершенным качественным перелом в самом строе, духе нормативно-юридического регулирования в области народного хозяйства, а отсюда — придать необходимую направленность всем иным законам, всем правовым актам, сообщить им (в том числе и гражданскому законодательству) значение реальных регулирующих факторов, фактически сцементировать все законодательство по вопросам народного хозяйства в цельную законодательную систему, охватывающую все сектора и направления хозяйственной деятельности.

Иначе все равно — но тогда уже на более узкой базе, и не исключено, что вразнобой, не согласованно — придется постоянно возвращаться к указанным общим принципам. А так уже и происходит на практике. Конечно, это хорошо, что в принятом в 1986 году нормативном акте о совершенствовании экономического механизма в строительстве содержится, по сути дела, общее положение о запрете ведомствам доводить до строительных организаций показатели и нормативы, не предусмотренные общесоюзным актом, вводить дополнительные ограничения, «давать указания, противоречащие хозрасчетным принципам взаимоотношений». Но все же введение подобной нормы оказалось необходимым потому, что она не была закреплена в акте более общего характера. Хорошо что и в нормативный акт о совершенствовании организации заработной пла-

ты включено тоже, по сути дела, общее положение о развитии наиболее эффективных коллективных форм организации и стимулирования труда. Но это положение — общее, и место ему — в более общем акте. Да и в Законе о государственном предприятии, как уже говорилось, неизбежно затрагиваются общие вопросы регулирования управления народным хозяйством, его общие принципы. Таким образом, и в области законодательства — как и везде — безусловно верна мысль В. И. Ленина: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натякаться» на эти общие вопросы».

Ныне необходимость подготовки указанного основополагающего фундаментального закона опирается и на прямую партийную директиву. Поскольку советское законодательство по вполне обоснованным причинам не пошло по пути создания одного единого акта (кодекса), охватывающего правовое регулирование всего народного хозяйства, такой закон (или Основы) и явился бы практической реализацией указания июньского Пленума ЦК об осуществлении систематизации и кодификации хозяйственного законодательства. И это тем более, надо думать, оправданно, что Основы есть высшая форма кодификации на уровне общесоюзного законодательства.

Какая же судьба ожидает ныне существующий гигантский массив ведомственных актов, инструкций, сковывающих деятельность предприятий, их самостоятельность, хозяйскую предприимчивость?

— Уже сейчас, в Основных положениях коренной перестройки управления экономикой записано: «Пересмотреть и отменить все нормативные акты, в том числе инструкции министерств и ведомств, противоречащие Закону о государственном предприятии (объединении), новым положениям в области планирования, ценообразования, финансов и кредита, материально-технического обеспечения, управления трудом и социальными процессами». Соответствующие акты должны быть пересмотрены или отменены до 1 января 1988 г. После же вступления в действие всей системы законодательства по хозяйственным вопросам потребуются и общая отмена всех старых ведомственных актов, восстановление действия гражданского законодательства.

Конечно, в ведомственных актах есть и жизненные, нужные для современных условий хозяйствования нормативные положения, они в том или ином виде будут восприниматься разрабатываемыми законодательными и иными нормативными документами. Кроме того, в ряде случаев и в будущем потребуются детализирующие нормативные акты, обеспечивающие действие законодательных документов без ущерба для самостоятельности предприятий. Целесообразно только установить строгий порядок их издания и действия. На этот счет на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК партии сформулированы четкие положения. Предусмотрено ввести в строгие юридические рамки ведомственное нормотворчество и с этой целью ускорить подготовку общесоюзного акта о порядке разработки и применения ведомственных нормативных актов, принять меры по усилению контроля за соответствием законодательству ведомственных нормативных актов. Было бы целесообразным, в частности, установить правила, в соответствии с которыми детализирующие акты (пусть они,

когда это нужно, называются инструкциями) издаются только на межведомственной основе, причем лишь в случаях, прямо предусмотренных в законе или постановлении Правительства, и притом подлежат для вступления в силу обязательной регистрации, например, в Министерстве юстиции СССР или соответственно Министерстве юстиции республики.

Хотя, должен оговориться, все только что сказанное по поводу ведомственных актов, а также Закона об основах управления народным хозяйством, конечно же, не претендует на истину в конечной ее инстанции. Тут приведены научные аргументы, опирающиеся на положения XXVII съезда КПСС. Могут быть — и, кто знает, окажутся более сильными — другие соображения. Проблема находится в стадии обсуждения, когда нужно учитывать и спокойно анализировать различные мнения.

Пятый вечер И ВНОВЬ ОБ ИСХОДНОМ ЗВЕНЕ

ДРУГОЕ ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА — ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Хозяйство — это, конечно, очень важно, его значение и приоритет в «законодательном внимании» сомнений не вызывают. Но все же в центре жизни нашего, действительно гуманистического, общества — советский человек. Как в этой области обстоят дела с точки зрения исходного звена правового обеспечения перестройки — законодательства?

— Помните наш разговор о направлениях главного удара в области законодательства? Их, как мы выяснили, несколько. Так вот, законодательство, относящееся непосредственно к советскому человеку, — одно из этих направлений, тем более, что некоторые участки юридического регулирования в данной области также оказались

затронутыми негативными последствиями административно-бюрократических методов управления. К тому же, по мере их преодоления, человек все более «присутствует» и в области юридического регулирования хозяйственных отношений, и именно здесь прежде всего решается вопрос активизации человеческого фактора. Возьмем хотя бы вопросы индивидуальной трудовой деятельности граждан, малых кооперативов по переработке вторичного сырья, по производству товаров народного потребления, прямо стыкующиеся с производством. Или цепочку экономико-организационных, правовых институтов, которые от качественных показателей хозяйственной деятельности через ряд звеньев выходят на индивидуальное и коллективное вознаграждение трудящихся. Да и в целом человеческий фактор, о котором надо поговорить подробнее и особо и который также нуждается в том, чтобы совершенствовалось законодательное регулирование, ныне рассматривается не только с гуманистической, нравственно-духовной стороны, но и со стороны общественного производства, экономического прогресса, ускорения социально-экономического развития.

А что можно сказать о таком важном аспекте общественной жизни, как демократия, ее углубление, социально-политический статус и социально-политическая активность советского человека? Нет ли тут какой-либо существенной проблемы, нуждающейся с позиций права и перестройки в первоочередной характеристике?

— Такой проблемой является вопрос о правах человека. Проблема сложная, по-разному решавшаяся в

прошлом и ныне требующая тонкой научной проработки, четкого законодательного решения.

И вот в чем ее сложность.

Мир социализма — это подлинно гуманистическое общество. С первых дней Октября весь строй жизни нового общества подчинен интересам трудящихся, их судьбе, их будущему. При этом права человека содержат и коллективистский момент, исключают эгоистические и враждебные людям тенденции, угнетение, насилие, произвол, бесправие, то есть имеют подлинно человеческие, разумные рамки.

И в то же время мы с известной настороженностью относимся, точнее — относились ранее к самой формулировке «права человека», предпочитая говорить о правах гражданина, правах трудящихся, правах личности. Почему? Тут по крайней мере две причины.

Первая, так сказать, философская. В формулировке «права человека» есть отзвуки примитивно-философского, натуралистического взгляда на человека исключительно как на существо биологическое, а на «права» его как на свойства, присущие ему изначально, от рождения. С марксистской же точки зрения, человек может иметь права только как социальное существо, но тогда это уже не просто человек, а личность, гражданин.

И вторая причина — социальная. Получив распространение в буржуазном обществе, указанная формулировка обрела там сугубо буржуазную, эгоистическую трактовку — она связывается с идеей «прирожденной» частной собственности, противопоставлением человека обществу, требованием «неограниченных свобод», неконтролируемых действий.

Вот почему в советских законах, в политических и

правовых документах обычно не говорится о «правах человека», а употребляются другие выражения — «права граждан», «права личности».

Вместе с тем в последние десятилетия в мировом демократическом общественном мнении произошли существенные сдвиги в понимании прав человека, в их трактовке, и не в последнюю очередь это случилось под влиянием мира социализма, реальных прав людей в социалистических странах. Формула «права человека» стала утрачивать натур-философскую, сугубо эгоистическую окраску, наполняться все более и более общедемократическим, общечеловеческим содержанием, использоваться в борьбе против фашизма, расизма, сил войны и агрессии (ее активно используют коммунисты, прогрессивная общественность, например, в борьбе против военно-фашистской диктатуры в Чили, режима кровавого расизма в Южной Африке). И вот в таком общедемократическом, общечеловеческом звучании формула, да и словесное выражение «права человека» согласовываются с гуманистическим, подлинно человеческим содержанием теории и практики социализма, коммунизма.

Думается, мы в нашей научной и пропагандистской литературе, в постановке и пропаганде ряда политических и правовых вопросов своевременно не уловили указанных перемен, что, помимо иных причин, позволило врагам мира и социализма как бы перехватить инициативу. Используя факты нарушений законности, бюрократических извращений в социалистических странах, других отступлений от принципов социализма, западная пропаганда стала трактовать формулу «права человека» как будто бы отвечающую только принципам буржуазного строя и с этих позиций ис-

пользовать ее для приукрашивания буржуазных порядков, для дискредитации социализма.

XXVII съезд партии восстановил по данному вопросу историческую правду. В новой редакции Программы КПСС специально подчеркивается, что при социализме «идеи свободы, прав человека, достоинства личности наполнены реальным содержанием». Да и в других документах съезда при указаниях на права советских граждан используется выражение «права советского человека».

Теперь весьма важно, чтобы эти формулировки, так сказать, не затерялись, не были поняты как очередные «нетрадиционные» словесные обороты. Если рассмотреть их в контексте всей внутренней и внешней политики нашей страны, то, пожалуй, есть все основания полагать, что речь идет о новой теоретической позиции, возвращающей формулу «права человека» в ту систему мировоззренческих взглядов и образа жизни, которые дали ей реальное существование. При этом, разумеется, имеются в виду не абстрактные и тем более не эгоистически, в частнособственническом духе трактуемые положения, а действительные права человека — наполненные реальным, жизненным содержанием, не ограничивающиеся только моментами законности, личной свободы, безопасности личности (на чем, собственно, замыкается, причем в сугубо частно-эгоистическом звучании, их трактовка буржуазной идеологией и практикой), а выдвигающие на первый план самые важные человеческие ценности — право на жизнь, право на достойную, обеспеченную жизнь, и отсюда — такие права человека, как право на труд, на социальное обеспечение, на отдых, на жилище. Здесь вырисовывается принципиально новая концепция прав человека, взаимосвязанная с положе-

ниями о правах народов и наций (идея, которая последовательно проводилась с первых дней Октября) и имеющая поистине глубоко человеческое реальное содержание.

Наряду с иными моментами это важно для понимания социальной природы прав людей при социализме: они продукт самого социалистического строя, а не «милость» и «доброе усмотрение» кого-либо. Причем задача правового регулирования здесь — в полной мере законодательно выразить обусловленные нашим строем возможности для человека, юридически закрепить, гарантировать их.

Что же, это принципиально важно. Действительно, социалистическое общество должно рассматриваться как общество реальных прав человека; и при должной активности с нашей стороны неким «поборникам» и «защитникам» прав человека, пытающимся с опорой на указанную категорию обеливать бесчеловечный мир капитала и наемного рабства и критиковать социализм, придется перейти в глухую защиту и каким-то образом идеологически спасать буржуазные порядки, не совместимые с подлинными правами человека...

Но как связано все это с перестройкой, ее правовым обеспечением?

— Самым прямым образом. И широкая демократизация, и внедрение экономических методов, и развитие у труженика чувства хозяина, и последовательное проведение начал социалистической справедливости — все это требует, чтобы участниками общественной

жизни были не «винтики», а личности — граждане СССР, обладающие реальными правами, сами же эти права — теми широкими и реальными возможностями, которые не кем-то «дарованы», «предоставлены», а рождены социалистическим строем.

Сама идея прав человека, наполненных реальным содержанием, возвышает советского гражданина, так меняет его социально-человеческий статус, что он в своих позитивных и критических действиях в производственной, социально-политической, нравственной жизни получает крепкую опору, обосновывающую и оправдывающую его правоту, уверенность, смелость.

А отсюда вытекает, что ближайшее отношение к перестройке имеет и надлежащее законодательное закрепление и обеспечение прав человека, наполненных реальным содержанием. Тут у нас, можно сказать без преувеличений, серьезные достижения. Действующая Советская Конституция, ряд других законов, в том числе, надо заметить, довольно развитое процессуальное законодательство (хотя и здесь не все еще решено), дают в целом надежное обеспечение правам советского человека.

Но в данной области есть и нерешенные проблемы, трудности, отчасти сопряженные с административно-бюрократическими тенденциями в управлении, отсутствием необходимых традиций, существующими недостатками в системе защиты прав. Стало быть, и здесь решение указанных проблем охватывается надлежащим правовым обеспечением перестройки, смыкаясь в некоторых пунктах с юридическим регулированием в других сферах общества, в том числе в области народного хозяйства, деятельности торговли, предприятий по обслуживанию населения.

Теперь мы, судя по всему, подошли к более подробному рассмотрению вопроса, выдвинутого XXVII съездом КПСС и в последнее время широко обсуждаемого, — вопроса о человеческом факторе, его активизации. Нет ли связи между приведенной характеристикой прав человека и человеческим фактором?

— Положительный ответ на поставленный вопрос вполне очевиден. И, возможно, один из недостатков обсуждения в печати многообразных проблем, относящихся к активизации человеческого фактора, заключается в том, что указанная связь, да и вообще все то, что относится к юридической стороне данной темы, как-то выпало из поля зрения.

Прежде всего надо заметить, что рассмотренные ранее вопросы внедрения экономических методов, методов стимулирования и поощрения, требующих нужного правового выражения и обеспечения, — это уже и есть активизация человеческого фактора, инициативной, творческо-созидательной деятельности человека. Именно тут можно с предельной четкостью увидеть глубокую взаимозависимость между человеческим фактором и отработанными юридическими формами. Ведь человеческий фактор выражается в действенной активности, созидательной заинтересованной деятельности советского человека в производственной, политической, социально-культурной и иных сферах — хозяина в своем обществе, гражданина, творца, труженика. А эта активность и деятельность тем эффективнее и значительней, чем больше объем и надежнее юридическая обеспеченность его прав в единстве с его обязанностями, ответственностью.

Что же касается активизации человеческого фактора в области распределительных отношений, социально-культурной области, то проведенное в последнее время на страницах печати широкое обсуждение этой проблемы показало, насколько много тут «болевых точек», выходящих на вопросы социального равенства, последовательного проведения социальной справедливости, уровня социальных услуг в различных регионах страны, наличия привилегий, «теневой» экономики и торговли и т. д.

Конечно, по всему этому кругу проблем нужны экономические, организационно-политические решения. Но необходимы и отработанные юридические формы для обеспечения указанных решений. И прежде всего нужен просто закон, поскольку отмеченные «болевы точки» оказались живучи, помимо прочего, потому, что соответствующие отношения «вышли из-под эгиды закона». Все они либо вовсе нормативно не регулировались, либо регулировались одними лишь ведомственными актами. Закон же по самой своей сути таков, что в нем содержатся всеобщие юридические нормы, предъявляющие на равных одинаковые требования ко всем субъектам и дающие всем субъектам одинаковые права, то есть, как уже отмечалось, имеющие сами по себе значительный демократический потенциал. Как это хорошо, кстати сказать, согласуется с новой редакцией Программы КПСС, в которой после слов о правах человека, наполненных реальным содержанием, и обеспечении единства прав и обязанностей говорится о том, что при социализме «действуют одни законы и нормы нравственности, одна дисциплина для всех и каждого».

И когда знакомишься с интересными предложениями академика Т. И. Заславской, других авторов, опубликованными в журнале «Коммунист», в иных издани-

ях, соглашаешься с выдвигаемыми предложениями по решению трудных вопросов по «болевым точкам», то во всех, без каких-либо исключений, случаях, повторяешь и повторяешь про себя, дополняя эти предложения: «... и нужен закон», «... и нужен закон». Общий, одинаковый и равный для всех, Закон.

Тем более — и тут мы возвращаемся к тому, с чего начали обсуждение данной темы, — активизация человеческого фактора, утверждение социальной справедливости везде и всюду связаны с правами людей, их широтой, реальностью. А другой, более эффективной, чем закон, формы придания должной реальности, надежности, «фактической реализуемости» юридическим правам, не существует. Вот почему возрастание человеческого фактора, его активизация, утверждение начал социальной справедливости требуют тщательной проработки и совершенствования юридической стороны соответствующих проблем.

Можно ли проиллюстрировать эти утверждения каким-либо примером из жизни, причем из числа как раз таких, которые бы относились к «болевым точкам», связанным с активизацией человеческого фактора, правами людей?

— Один из таких примеров — порядок распределения из общественных фондов. Общественные фонды, охватывающие важнейшие сферы жизни общества — здравоохранение, народное образование, социальное обеспечение, предоставление гражданам жилья, — достижение и гордость социализма. Распределение из общественных фондов призвано смягчить неизбежные при социализме различия в материальном положении гражд-

дан, выровнять социально-экономические и культурные условия для воспитания детей, способствовать ликвидации малой обеспеченности отдельных групп населения.

И вот возникает, причем в тесной связи с активизацией человеческого фактора, проведением начал последовательной социальной справедливости, проблема четкого определения юридического статуса и правовых гарантий прав граждан на материальные блага, получаемые (полностью или частично) из общественных фондов потребления. Широкий диапазон этих благ, охватывающий важнейшие потребности людей, начиная с жилья и кончая санаторно-курортным лечением, а также некоторые негативные тенденции в их использовании (случаи злоупотреблений, произвольных действий должностных лиц, нарушения социальной справедливости) настоятельно требуют надлежащего упорядочения, строгой и точной регламентации возникающих здесь отношений.

Уже отмечалось — и в данной области есть вопросы экономико-организационного порядка, которые для обеспечения последовательной социальной справедливости при социализме требуют развития необходимых форм стимулирования, поощрения, соответствующих экономико-организационных, политических решений, которые касаются самой структуры распределения, ее привязки к регионам страны и группам населения, более тесного согласования с распределением по труду. Важно также сохранить все позитивное, что связано с участием профсоюзов, всей советской общественности в распределении из общественных фондов, развить и в этой области демократические принципы, самоуправленческие начала.

Вместе с тем усиление юридической стороны в рассматриваемой группе распределительных отношений — насущное требование жизни, существенный элемент идущей в настоящее время перестройки, действенного

обеспечения начал социальной справедливости. Оптимальной организационно-юридической формой складывающихся тут отношений должен быть такой порядок, когда получение соответствующих, порой весьма значительных, благ из общественных фондов основывается не на усмотрении тех или иных органов и должностных лиц, а на юридическом праве гражданина, возникающем под общественным контролем при наличии определенных, четко предусмотренных в законе условий. Именно это может решительным образом изменить всю юридическую ситуацию в данной области, оснастить гражданина необходимыми правовыми средствами и возможностями для получения справедливой, причитающейся ему «доли» из общественных фондов, предупредить случаи злоупотреблений, выделение благ из общественных фондов в соответствии с должностными позициями лица, в силу личных связей.

Именно об этом свидетельствуют достижения советского законодательства, уже отработанные организационно-юридические формы, правда, не всегда еще доведенные до нужного совершенства. И там, где при распределении благ из общественных фондов достигнут надлежащий уровень законодательного, нормативно-правового регулирования (например, в области пенсионного дела, социального обеспечения, по ряду вопросов распределения жилья), сама возможность нарушения социалистических принципов если не сводится на нет, то значительно уменьшается.

С рассматриваемых позиций в основательной, более четкой юридической проработке нуждаются вопросы, связанные с правом граждан на медицинское обслуживание, в особенности высококвалифицированное, стационарное, на санаторно-курортное обслуживание, прежде всего льготное.

Создается впечатление (да об этом уже говорилось), что развитие правовых начал в сфере распределения из общественных фондов связано, как и в других сферах, с преодолением административно-бюрократических тенденций, которые в известной мере проникли и в аппарат общественных организаций, профсоюзов... И тут, надо думать, законодательное, отработанное нормативно-правовое регулирование, с одной стороны, а с другой — административно-бюрократические извращения являются своего рода антиподами, явлениями несовместимыми. Может быть, поэтому некоторые работники не очень-то склонны активизировать введение отработанных юридических институтов в данной области?

Можно ли еще привести пример, который бы свидетельствовал о необходимости дальнейшего развития законодательства, отработанных нормативно-правовых форм для решения вопросов, в центре которых советский человек?

— Таким вопросом — пожалуй, тоже трудным и тоже из «болевых точек» — являются права потребителя, то есть права и покупателя, и заказчика, и клиента, и пассажира, — там, где гражданин вступает во взаимоотношения с органами торговли, обслуживания, транспорта.

Права потребителя и права соответствующих торговых и транспортных организаций, органов обслуживания с точки зрения закона одинаковы, обладают однопо-

рядковой юридической силой, строятся на началах равенства. Во всех случаях покупатель, заказчик, клиент, пассажир вступает в договорные отношения с организацией, они становятся контрагентами по договору, имеют друг перед другом на началах равенства права и обязанности, регулируемые гражданским законодательством.

Фактически, однако, гражданин-потребитель и организации, которые своей деятельностью призваны удовлетворять его интересы, занимают неодинаковое экономическое и организационное положение. С экономико-организационной стороны удовлетворение интересов потребителя всецело зависит от деятельности торговых и транспортных организаций, органов обслуживания, которые нередко занимают в своей области монопольное положение. Вот и приходится гражданину-потребителю выступать с позиций «просителя», «жалобщика», «заявителя».

Как же быть? Выход здесь один — укрепить правовые позиции гражданина-потребителя, оснастить его сильными, действенными, легко осуществляемыми правами, чтобы он реально мог выступать перед организацией в качестве контрагента по договору и с помощью эффективных юридических средств с успехом добиваться реального осуществления своих прав. По этому пути и идет советское гражданское законодательство, которое, например, предоставило покупателю широкий диапазон юридических возможностей при продаже гражданину вещей ненадлежащего качества (статья 41 Основ гражданского законодательства).

В то же время, как показывает практика, гражданин-потребитель во многих случаях оказывается перед лицом торговых и транспортных организаций, органов обслуживания беззащитным, фактически зависимым от

усмотрения, любезности должностных лиц. И, надо полагать, одним из важнейших направлений правового обеспечения перестройки в данной сфере отношений должно стать, наряду с повышением ответственности организаций, развитием мер поощрения и стимулирования, укрепление правового статуса гражданина-потребителя, предоставление ему таких «сильных» юридических прав, с которыми бы считались работники соответствующих организаций (это касается, в частности, транспортного обслуживания, деятельности «Аэрофлота», вызывающей, как показывают данные печати и личный опыт каждого из нас, немало нареканий).

Требуется тщательная и самостоятельная проработка по каждому виду деятельности организаций, призванных удовлетворять потребности граждан. Но есть вопрос, который нуждается в незамедлительном решении. Суть его вот в чем. К сожалению, и в данную сферу жизни общества, связанную с обслуживанием граждан, проникли известные ведомственные тенденции, стремление обеспечить прежде всего легкую жизнь ведомств, а не потребности граждан. И потому в ведомственных актах (опять инструкции!) содержатся иной раз такие нормы, которые ослабляют правовые позиции гражданина, предусмотренные законом.

Обратимся, например, к действующим в РСФСР правилам, в соответствии с которыми телевизоры с черно-белым изображением и другие радиотовары могут быть обменены на новые при соблюдении определенных условий (невозможность устранения неисправности по месту установки; изделие после одного сложного ремонта нуждается в повторном ремонте и др.). Между тем такой порядок, вполне обоснованный для системы гарантий, все же не согласуется с основной нормой статьи 41 Основ гражданского законодательства, так как, со-

гласно этой норме, покупатель, которому продана вещь ненадлежащего качества, вправе по своему выбору потребовать либо ее замены, либо безвозмездного устранения недостатков (в статье предусмотрен еще ряд возможностей), причем именно покупателю — а не продавцу — предоставлено право выбора любой из указанных возможностей. Ему же, покупателю, в принципе, по смыслу закона, предоставлено и право решения вопроса о том, что использовать — возможности основной нормы статьи 41 или систему гарантий, о которых говорит статья 42 Основ и упомянутые правила. Видимо, нужно, как сделано в ряде социалистических стран, ввести определенные сроки, которые были бы меньше сроков гарантии. Но то, что здесь нарушено неотъемлемое право покупателя, сомнений не вызывает.

Следовательно, в современных условиях представляется необходимым в качестве первого шага привести в соответствие с законом весь ведомственный, инструктивный материал, связанный с правами граждан-потребителей, в полной мере обеспечить реальное осуществление возможностей, предоставляемых гражданам-потребителям уже сейчас действующим законодательством.

Вот мы все время говорим о правах граждан, об укреплении их правового положения — и как лиц, пользующихся общественными фондами, и как потребителей. Все это в современных условиях, несомненно, верно. Но не упускаем ли мы при этом важные обязанности гражданина, правильно ли тут расставлены акценты, не происходит ли известного перекоса в освещении правового положения граждан?

— В правовом положении граждан их высокие гражданские, трудовые и иные юридические обязанности, ответственность — как, впрочем, обязанности, ответственность в правовом положении предприятий, трудовых коллективов — ни на мгновение нельзя упускать из поля зрения. Ведь это вопросы высокой организованности, необходимой дисциплины, строгого порядка в нашей жизни. Вот почему и в Программе партии, и в Конституции, и во всех других наших законах последовательно проводится идея органичного, нераздельного единства, нерасторжимости прав и обязанностей, юридических возможностей и ответственности.

Преимущественное же внимание в нашем разговоре было уделено правам потому, что именно с ними прежде всего сопряжено решение вопросов правового обеспечения перестройки — расширения демократических начал, внедрения экономических методов, стимулирования и поощрения, активизации человеческого фактора. Но при всем том — скажу еще раз — будем помнить постоянно, что самые демократические, глубоко человеческие задачи перестройки могут быть осуществлены только в условиях высокой социалистической организованности, дисциплины, порядка, строгого выполнения всеми своих обязанностей — важной гарантии прав.

Все это предельно ясно. Лишь два момента, пожалуй, нужно оттенить специально.

Первый. Организованность может быть разной. Есть организованность — и организованность. При помощи административно-бюрократических, преимущественно карательных, методов тоже можно достигнуть «организованности» — притом наистрожайшей, военно-казарменной. Увы, иной раз встречаются люди, мечтающие о такого рода «организованности», по их представлениям, — высшем идеале порядка. И то ли удивляться нуж-

но, то ли печалиться, что они не видят или не хотят видеть, с какими гигантскими, в чем-то необратимыми политическими, духовными, нравственными потерями связана подобная «организованность», насколько она несовместима с гуманистическими началами нашего мировоззрения, принципами и идеалами социализма. Поэтому применительно к социализму следует говорить не вообще об организованности, а о высокой гуманистической организованности.

И — второй, быть может, несколько неожиданный поворот в освещении единства прав и обязанностей советского гражданина. Не следует это единство понимать только однолинейно, то есть примерно так: вот право, а вот рядом — непременно обязанность, дано тебе право — не забудь исполнить обязанность. В такой трактовке единства прав и обязанностей, конечно, есть свой резон. Но хотелось бы выделить более глубокую и тонкую связь между ними, которая к тому же хорошо согласуется с общей направленностью рассмотренной ранее характеристики правового положения гражданина. Речь идет о том, что нередко достижения целей, задач, на которые направлены обязанности, целесообразнее всего добиваться не непосредственно через эти обязанности, а через права...

Как через права? Права — это именно права, то есть юридические возможности, которые имеет лицо, причем такими возможностями лицо то ли воспользуется, то ли нет — по собственному усмотрению. А юридические обязанности — это всегда нечто строгое, надежное: хочешь — не хочешь, будь любезен, исполни то, что предписано. Значит, это вещи разные, не так ли?

— Разумеется, разные, но в чем-то и единые, крепко связанные.

Давайте присмотримся: юридические обязанности устанавливаются для того, чтобы была достигнута определенная цель, решена известная задача. Например, требуется, чтобы лицо произвело известное количество продукции на данном участке земли. Как добиться этого? Возложить юридическую обязанность? Да, возможен такой вариант, который потребует определенной системы контроля, строгих санкций за невыполнение обязанности.

Но ведь есть и совсем иной путь! Предоставить лицу юридическое право, дать ему юридические возможности... И та же самая цель, та же задача решается и эффективнее, и безболезненнее, и, пожалуй, качественно лучше. Правда, при одном обязательном условии: необходимо, чтобы одновременно была «запущена» мощная побудительная сила — **интерес**, личная заинтересованность. Не правда ли, именно на этом и построены переход от административно-бюрократических к экономическим методам управления, к началам стимулирования и поощрения, активизация человеческого фактора, а в юридической области — гражданское право?

То же самое относится и к решению другой социальной задачи — той, которая нередко обеспечивается юридическими запретами.

Вот пример. В пригородных лесах, посещаемых туристами, просто отдыхающими, местные лесничества нередко устанавливают жесточайший режим: вывешивают таблички «костры разводить запрещается», «лес рубить запрещается», «мусор разбрасывать запрещается» и т. д. и днями и ночами заняты тем, что пытаются свои запреты провести в жизнь. И что же? Со-

стояние пригородных лесов известно всем: костры разводят, и притом где попало, порубленный лес, разбросанный мусор...

А в некоторых лесничествах пошли другим путем. Отвели площадки для костровищ, окопали и обустроили их, заготовили заранее хворост, оборудовали особые места для мусора, тут же вывесили хорошо оформленные и с юмором составленные «Правила поведения гостей леса». И оказались ненужными запреты, суточные дежурства — нарушения исчезли, лес ожил. Что здесь сработало? Конечно, прежде всего забота и внимание к людям, а с юридической стороны — права. Да, юридические права, которые дали возможность людям отдыхать, соблюдая при этом все необходимые, установленные Законом требования поведения в лесу.

Пример, действительно, убедительный. Так, может быть, законоположения об индивидуальной трудовой деятельности какой-то своей стороной опираются на те же основания? Ведь всякого рода «мастера» существовали всегда — ремонтировали квартиры, вставляли дверные замки, оконные стекла, строили садовые домики и тому подобное. Только вся выручка от этого «подпольного бизнеса», никем не контролируемая, шла в карман изворотливого частника, который к тому же брал особую — и немалую — «плату за страх». А ныне этому придана отработанная организационно-правовая форма...

— И обратим внимание — здесь опять-таки срабатывают юридические права, то есть юридическая возможность одним гражданам заниматься при соблюдении определенного порядка индивидуальной трудовой деятельностью и юридическая возможность всем другим гражданам пользоваться за вознаграждение результатами такой деятельности.

Или возьмем проблему так называемых шабашников. Сколько громких слов было сказано в обоснование того, что шабашничество должно быть решительно искоренено, что тут нужны безусловные и строжайшие запреты, ответственность. На какой же путь стал законодатель? В соответствии с постановлением Правительства, изданным в 1986 году, группам граждан при определенных условиях предоставлено право (опять право!) создавать временные строительные бригады и с соблюдением довольно строгих требований применять свой труд в сельской местности на основе заключаемых с совхозами и колхозами письменных трудовых договоров.

Итак, перед нами еще одна грань обеспечения единства прав и обязанностей, подтверждающая мысль о целесообразности решения ряда социальных проблем «через права». Дело в том, что советский законодатель уже в самом законе указывает на права и обязанности в их тесной, нераздельной взаимосвязи и, в частности, решая вопрос о предоставлении какого-либо права, одновременно «обставляет» это право четкими обязанностями. Возьмем ситуацию: гражданин получил в установленном порядке право на занятие индивидуальной трудовой деятельностью (именно — получил, причем по своей инициативе, или в ряде случаев, как при системе патентов, приобрел). Но получив такое право, он в силу закона тем самым возло-

жил на себя и должен строжайшим образом соблюдать определенный круг обязанностей, в том числе обеспечивать надлежащее качество работ, соблюдать санитарные, противопожарные и другие правила, не использовать наемный труд, производить налоговые платежи. Обратим внимание: указанные обязанности не навязываются «сверху», а являются как бы продолжением юридических прав, их неизбежным спутником, и эти обязанности человек теперь (во имя юридического права!) соблюдает сам.

Кстати, когда при обсуждении юридических вопросов порой раздаются голоса приверженцев строгого общественного порядка: «достаточно говорить о правах, будем везде и всюду подчеркивать важность юридических обязанностей», то при верности исходной мысли, замысла не будем упускать из виду общих тенденций социально-политического развития в условиях перестройки, а также того, что «через права» мы во многих случаях достигаем и строгого общественного порядка, и эффективного исполнения обязанностей (тут вновь дает о себе знать необходимость известной перестройки нашего юридического мышления).

Отмеченными случаями все варианты глубокого единства юридических прав и обязанностей еще не исчерпываются. Есть и другие, в том числе такие, когда лицо получает (приобретает) право при условии предварительного исполнения известных обязанностей. Это касается получения некоторых специальных прав — на вождение автомобиля, на охоту, ряд других. Такой порядок затрагивает и область социальной жизни, прав людей и, в частности, сферу свободного времени человека.

Свободного времени? Здесь что-то, наверное, не так: свободное время потому и называется свободным, что оно не регламентировано, как, например, рабочее. Выполнил свои обязанности перед обществом, отработал добросовестно свое время, а дальше, извольте, — это уж мое дело, мое вольное усмотрение. При чем тут обязанности, права, закон?

— Ну вот, опять издержки нашего юридического мышления, связывающего право, закон главным образом с жесткой регламентацией, обязанностями, ответственностью. Но ведь свободное время потому и находится в вольном распоряжении гражданина, что это его право — право на отдых, закрепленное в законе — в Советской Конституции. Хотя суть вопроса не в этом.

Главное — в действительной регламентации, фактическом осуществлении конституционного права гражданина на отдых. Если не сводить свободное время к пустому ничегонеделанию, бездумному сидению перед телевизором, а видеть в нем то высшее богатство, благодаря которому каждый может обрести подлинную свободу и счастье, то ясно, что необходима высокая культура свободного времени, предполагающая, помимо прочего, надлежащую организацию того, что мы называем «соцкультбытом». Такую организацию, когда каждый труженик, каждый человек имеет фактическую, реальную возможность пользоваться спортивными сооружениями, учреждениями культуры, туристским снаряжением и т. д. Как этого достигнуть?

В последнее время в наших партийных и государственных документах все чаще говорится о необходи-

мости развития различными организациями и учреждениями «платных услуг». Что это означает? Только ли коммерческие начала, внедрение в данную область хозрасчета, экономических методов, самофинансирования?

Нет, платные услуги — это также своего рода демократический институт, противостоящий административно-ведомственным началам, далеко не всегда согласующимся с последовательной справедливостью. При правильной, подлинно социалистической организации системы обслуживания платные услуги означают реальную возможность для любого гражданина за умеренную плату пользоваться по абонементной системе или в разовом порядке бассейнами, игровыми площадками на стадионах, игротеками, горнолыжными комплексами и т. д. В сочетании с хорошо организованной службой проката спортивного снаряжения, музыкальных инструментов, других нужных для культурного отдыха вещей, а также с внедрением и развитием кооперативных начал (кооперативы любителей бега, горнолыжников) — вот вам всеобщая, доступная база для утверждения такого образа жизни, который как раз (вернемся к нашим общим формулам) и активизирует человеческий фактор.

А как это все может быть охарактеризовано с юридической стороны? Платные услуги представляют собой не что иное, как **приобретение права**, то есть получение права после выполнения обязанностей лица по возмещению затрат на содержание и развитие данного дела — оплаты услуги. А приобретенное право — это юридическое право, которое строится на началах не ведомственности и привилегий, а всеобщей доступности, то есть, как уже говорилось, является при правильной организации глубоко демократичным, но и плюс к тому еще — прочным, надежным, защищаемым в юридиче-

ском порядке. Здесь, в отличие от пользования объектами соцкультбыта на общественных началах, лицо, которое на законных основаниях приобрело соответствующее право, может в юридическом порядке требовать предоставления данных услуг (хотя правовые механизмы реализации этого требования нуждаются в совершенствовании).

В качестве завершающего аккорда нашего несколько затянувшегося разговора об исходном звене правового обеспечения перестройки — о законодательстве, вот какой вопрос. В стремлении избежать «криминалистического» видения советского права не впали ли мы в другую крайность — не упустили ли из поля зрения уголовное законодательство, исправительно-трудовое законодательство — все то, что так необходимо в борьбе с преступностью, за высокую мораль, строгий общественный порядок?

— Сосредоточение внимания на юридических документах, в которых непосредственно выражаются меры по перестройке, конечно же, не позволило охарактеризовать иные сферы законодательства — кстати, не только криминалистического цикла, но и, например, природоохранительное, по социальному обеспечению. Тем более что освещение проблем, допустим, уголовного права, невозможное без анализа причин преступности, мер борьбы с этим отвратительным антиобщественным явлением, нуждается в особом и обстоятельном обсуждении.

Но все же несколько слов об уголовном законодательстве, и притом в связи с вопросом о человеческом

факторе, сказать нужно. И не только потому, что современное, на должном уровне отработанное уголовное законодательство — это надежный щит, заслоняющий нашу жизнь, идущие в ней позитивные процессы от вторжения в них грубых и темных сил, возвышающий наши высокие моральные начала, оберегающий безопасность и покой советских людей, незыблемость основ нашего строя (вполне закономерно на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось о необходимости обновления уголовного законодательства): основные, уже определившиеся линии дальнейшего совершенствования уголовного законодательства органически вписываются в те направления социального развития, которые в условиях перестройки связаны с человеческим фактором, активизацией его. Это (наряду с необходимой строгостью в отношении лиц, совершающих особо опасные преступления, рецидивистов, лиц, упорно уклоняющихся от исправления) прежде всего — гуманизация уголовного наказания, применение мер юридического воздействия, построенных на доверии к человеку, нацеленных на то, чтобы разбудить светлые стороны его души. Одна из таких «законодательных находок» — порядок отсрочки наказания, введенный первоначально в отношении несовершеннолетних, а затем, когда он показал свою эффективность, и в отношении всех лиц, приговоренных к лишению свободы на срок до трех лет. Сейчас советские правоведы-криминалисты, юристы-практики усиленно работают над тем, чтобы усовершенствовать и сделать более эффективным весь комплекс правовых мер воздействия, связанный с гуманистической линией нашей уголовно-правовой политики.

Шестой вечер ЗАКОНЫ ДОЛЖНЫ ИСПОЛНЯТЬСЯ

**ЧТО НУЖНО ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБЫ ЗАКОНЫ
СТАНОВИЛИСЬ
РЕАЛЬНОСТЬЮ!**

Итак, законы издаются для того, чтобы закрепленные в них нормы воплотились в жизнь. Но как достигнуть такого положения, когда законы реально исполняются? Что для этого нужно?

— Прежде всего должен существовать у всех граждан своего рода настрой на строжайшее исполнение и соблюдение законов, всех юридических норм. Недостаточно принять хорошие, отработанные юридические документы; нужно еще, чтобы в атмосфере общественной жизни как бы витало, тревожило всех напоминание — «законы должны исполняться».

Любопытный штрих из истории на этот счет. С. Цвейг, описывая путешествие Магел-

лана, приводит текст его договора с испанским королем Карлом V об организации экспедиции в дальние края, подписанного 22 марта 1518 года. В нем от имени короля говорится: «И касательно всего этого Я обещаю и ручаюсь Своей честью и королевским Своим словом, что Мною приказано будет все и каждую статью соблюдать в точности, как она здесь изложена...»

Уж очень много противоречивых сил, противоположных тенденций, неоднозначных факторов действует в общественной жизни, чтобы оставлять с ними один на один Закон; велик тут риск, что записанное в юридическом документе так и останется на бумаге (явление весьма распространенное и естественное в буржуазном обществе в отношении законов, закрепляющих вырванные трудящимися в упорной борьбе частичные уступки). И потому, если общество заинтересовано в осуществлении всего того, что записано в юридических документах, необходимы это общественное напоминание, этот стойкий общественный настрой на точное и строгое исполнение и соблюдение законов. Словом, необходим особый режим общественной жизни, который и называется **законностью**.

Примечательно, что в социалистическом государстве с первых дней его возникновения утверждается режим строжайшей социалистической законности, и именно В. И. Ленину принадлежат слова о том, что нужно свято соблюдать законы и предписания Советской власти. Ключевое слово в ленинской мысли — **СВЯТО!** Необходимо относиться к закону как к святыне, незабываемой, нерушимой основе нашей жизни — такова суть ленинского отношения к законам, юридическим документам. Потому-то, несмотря на все сложности и трудности в нашем общественном развитии, на недооценку права, на имевшиеся в этой области суще-

ственные недостатки, грубые нарушения, указанное ленинское начало на съездах партии, во всех относящихся к данной области партийных и государственных документах постоянно, неизменно подчеркивается. На съездах нашей партии были сформулированы и важнейшие идеологические положения о законности, в том числе о том, что недопустимо отступать от требований закона «ни по каким мотивам».

Такое однозначно непреклонное требование строжайшей законности связано с одним ее свойством, которое не всегда учитывается, порой не принимается в расчет. Это — **абсолютность** законности в условиях мирного, нормального развития общества. Законность — одно из немногих общественных явлений, которое строго строится по принципу «или — или»: или безусловная, стопроцентная законность везде и всюду — или ее крушение, если допускается отступление от ее строжайших требований даже в самом малом. Ибо дозволенность нарушать законность «в самом малом», по «уважительным причинам», «иногда» на деле означает допустимость отступления от нее в любом случае и всегда (разве так уж трудно обосновать, что именно данный случай «самый малый», «уважительный»?).

Вот почему надо с осторожностью подходить к критике соблюдения даже устаревших нормативных актов, с должным пониманием относиться к деятельности судей, других работников юстиции по поддержанию правопорядка. Альтернативой праву, законности, напомним, является одна из самых страшных бед для людей — произвол, беззаконие, своеволие.

А сейчас, в условиях перестройки, об этом приходится говорить с особой настойчивостью потому, что есть люди — приверженцы старых методов управления, безмятежной и легкой жизни на привычных должно-

стях, которые не очень-то склонны строго и последовательно осуществлять проводимые партией и государством глубокие революционные преобразования, получающие выражение в юридических документах. Кстати, подмечено, что иной раз особенно резко «против инструкций» начинают выступать именно приверженцы старых методов управления — люди, детищем которых эти инструкции и являются. Чем объяснить такую метаморфозу? Только ли попыткой, присоединившись к «борцам с инструкциями», ограничиться звонким «словесным переодеванием» своей деятельности (факт, увы, получивший распространение)? Или, быть может, здесь еще не лишнее здорового расчета стремление резкой критикой инструкций, равнозначных, по их мнению, всему «юридическому», бросить тень на режим законности, как-то расшатать его и тем самым оправдать самое главное — порядки произвольных, неконтролируемых, не подвластных закону действий, при которых только и могут существовать административно-бюрократические методы управления, бюрократические извращения?

Конечно, режим законности, настрой на то, чтобы действующие законоположения, и прежде всего те, которые реализуют мероприятия по перестройке, полностью и точно воплощались в жизнь, несомненно, очень важны. Но ведь это только фон, атмосфера, среда, где действуют и реализуются юридические нормы. Видимо, одного настроения недостаточно?

— Нужны еще условия и, кроме того, особые юридические механизмы, юридические гарантии, призван-

ные обеспечивать фактическую реализацию законоположений.

Сначала об условиях. Ранее уже упоминалась сложная и в высшей степени актуальная проблема — обеспечение реализации юридических прав, на которые «выходят» и экономические методы, и демократизация. Именно — прав, потому что с юридическими обязанностями, при всей их важности, дело обстоит с юридической стороны относительно просто: есть обязанность — будь любезен ее выполнять, иначе — ответственность (хотя на практике и тут проблем немало). А как быть с правами? Контуры ответа на этот вопрос были уже намечены — юридические права начинают «работать», и с куда большим эффектом, нежели обязанности, когда вступает в действие интерес. Значит, и в данной области одновременно с введением законоположений о правах требуется разбудить заинтересованность людей в использовании прав и дать ей простор. Следовательно, необходимо комплексное решение соответствующих проблем, когда вступают в действие и другие законоположения, направленные на развитие деятельности, построенной на интересе. Пример такой комплексности дал Закон о государственном предприятии (объединении), который путем введения радикальных мер по развитию экономических методов, полного хозрасчета, самофинансирования создал условия для развития материальной заинтересованности тружеников, всего коллектива в результатах трудовой деятельности и тем самым обеспечил возникновение предпосылок для эффективного использования предусмотренных Законом прав в области самоуправления, в том числе по избранию наиболее достойных и подготовленных руководителей, формированию оптимального плана хозяйственной деятельности, решению других

крупных вопросов хозяйственной, производственной деятельности предприятий.

Разумеется, реальность осуществления законоположений зависит и от иных, в том числе материальных и организационных, условий (что приобрело значительную остроту, например, при решении непростых вопросов, связанных с подготовкой и введением в действие Закона об индивидуальной трудовой деятельности, — нахождение помещений, источников сырья, оборудования и т. д.).

Обратимся теперь к особым юридическим гарантиям, направленным на достижение действительно полной реализации законов, всех юридических норм. Очевидно, не только должны быть созданы необходимые экономические, организационные и иные условия для такой реализации, но заинтересованные лица должны иметь в своих руках нужные и эффективные правовые средства и юридические механизмы, которые бы и с юридической стороны обеспечивали их права, достижение необходимых результатов.

В весьма большой степени надобность в подобных юридических гарантиях касается граждан, их прав и свобод. Причем известную остроту проблеме придает то, что и в эту сферу жизни общества в какой-то мере проникли объективно не обусловленные административно-властные методы решения жизненных вопросов, что привело к известным бюрократическим извращениям, формализму. Кроме того, дала о себе знать и принципиальная недооценка нашей наукой и общественным мнением юридических средств и механизмов. Принятая на вооружение в принципе верная формула о том, что права и свободы советских граждан обеспечены «самим социалистическим строем», создавала подчас представление, что этого вполне достаточно и

ничего иного не требуется. Между тем, как показали жизнь, практика, действие самих по себе факторов, выражающих значение социалистического строя для реального обеспечения прав граждан, оказывается еще недостаточным. Немалую роль должны сыграть здесь юридические средства и механизмы, которые по самой своей природе (при надлежащей их отработке) предполагают юридически одинаковые возможности для каждого человека, дают каждому гражданину «сильные» инструменты для того, чтобы отстаивать и защищать свои права, воевать за них, как говорил В. И. Ленин, «по всем правилам законной в РСФСР войны за права».

Действительно, наряду с известной недооценкой права в целом, существовала в прошлом недооценка тех юридических средств, при помощи которых обеспечивается проведение положений закона в жизнь. Но возникает такой вопрос: зачем вообще нужны какие-то особые гарантии? Разве сам закон не должен содержать всего того, что обеспечивало бы точное проведение его постановлений в жизнь?

— Несомненно, в любом юридическом документе, в законе должно быть предусмотрено все юридически необходимое для обеспечения реализации законодательных норм. С этой точки зрения в законодательных актах, за исключением вступительных частей (они называются преамбулами), вообще не должно быть декларативных положений, призывов и лозунгов. Увы, это требование далеко не всегда выдерживается. Закон должен состоять из общих правил, нормативных

предписаний — не только точных, направляющих поведение людей, но и юридически обеспеченных, то есть содержащих указание на санкции при невыполнении обязанностей, иные обеспечительные меры.

Причем эти обеспечительные меры нуждаются в тщательной проработке, выяснении, насколько они действенны. Мало кому известно, что существующими юридическими нормами предусмотрены определенные пени, штрафы (например, за задержку почтой свыше установленных сроков почтовой корреспонденции, за просрочку выполнения заказов пошивочным ателье). Но суммы их настолько незначительны, а порядок взыскания настолько сложен (не пойдешь же по каждому случаю в суд!), что они фактически не применяются. А какие еще могут быть действенные меры — сделать запись в жалобную книгу, обратиться с заявлением в вышестоящую организацию, в газету? Не правда ли, именно так реагируют граждане на случаи нарушения прав, которые характерны при доминировании административно-бюрократических методов? Наш контрагент по договору не выполняет свои обязанности, а мы жалуемся...

Укрепление правовых позиций гражданина-потребителя, о чем речь шла ранее, включает в качестве важнейшего компонента установление достаточно серьезных, ощутимых, а главное — легко осуществляемых санкций за нарушение организацией (торговой, транспортной, по обслуживанию населения) своих обязанностей. Причем лучше всего — таких санкций, которые осуществляются автоматически, как бы сами собой. Например, автоматическое предоставление «Аэрофлотом» дополнительного бесплатного обслуживания авиапассажиров в случае задержки рейса свыше определенного срока или в ночное время. Или —

автоматическое снижение стоимости заказа на определенный процент за каждый день просрочки его выполнения ателье (правда, это возможно только при работе по системе «деньги потом»), и так далее.

Словом, верно: надо, чтобы сам закон не был беззубым, беспомощным, а предусматривал необходимые меры, направленные на его реальное воплощение, фактическое действие. Но все-таки нужны и особые юридические гарантии и механизмы, обеспечивающие закон. Я имею в виду, главным образом, деятельность специальных юридических органов (их обобщенно называют правоохранительными), среди которых хотелось бы прежде всего выделить органы правосудия...

Почему правосудия? Принято считать — опять, видно, детективный жанр «помог», что ключевую роль среди правоохранительных органов играет милиция — Знайки, Лосевы, Деревенские детективы, ну, и прокуратура, конечно. Суд же... Суд же определяет сроки наказания, решает какие-то другие вопросы, когда в общем все ясно — добро торжествует, а зло ниспровергнуто. Так?

— Конечно, нужно отдать должное милиции, органам государственной безопасности, прокуратуре — стражам законности в стране, а также другим правоохранительным органам, народному контролю, инспекциям. Работники милиции — фронтовики наших мирных будней, люди, находящиеся на переднем крае борьбы с преступностью, со всем злым и темным в нашей жизни, не жалеющими в этой борьбе своих сил, здоровья, порой и жизни.

И вместе с тем надо видеть, что в центре всех правоохранительных органов — народный суд, органы социалистического правосудия. Суд вершит правосудие, решает юридические дела — уголовные, гражданские. Причем — обратим внимание на оттенки слов — не «окончательно решает», а именно он, и только он, народный суд (и никакой другой орган) может признать человека виновным, применить к нему уголовное наказание. Вот как торжественно и четко говорит об этом статья 160 Конституции СССР: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». При всей важности работы милиции, других органов по расследованию преступлений — и недаром такое расследование называется предварительным, а начальные действия милиции просто дознанием — только суд проводит главное, судебное следствие, выносит решение (приговор), и только после решения суда наступают обязательные юридические последствия. Гражданские же дела целиком рассматривает и решает суд.

Обратим внимание на глубокий смысл самого слова: деятельность суда, его результаты называются правосудием — правым судом! Органом, который, утверждает высокие начала Правды, Истины, Справедливости. Вспомним, какой величественной, красивой, с повязкой на глазах (во имя справедливости), держащей трепетные весы (для взвешивания фактов, мер наказания) изображали в древности Фемиду — мифологическую богиню правосудия. Вовсе не случайно судебная процедура обставлена известными элементами торжественности, а суд требует к себе высокоуважительного отношения...

А может быть, все несколько проще? Ведь суд — это место, где решаются конфликты, назначаются наказания, взыскиваются убытки, то есть место, куда человек попадает в крайнем случае, если иным путем с жизненной ситуацией не разобраться. Может, так — назначил суд наказание, взыскал с виновного, что положено по закону, — и все?

— Расскажу об одном деле, которое дошло до Верховного Суда республики (фамилия и некоторые обстоятельства дела изменены).

Фабула дела такова. Моторист первого класса Иванов, работавший в экипаже судна в одном из управлений «Дальрыба», приказом по управлению с предварительного согласия судового комитета профсоюза был уволен по пункту 3 статьи 33 КЗоТ РСФСР за систематические нарушения трудовой дисциплины, выразившиеся в неоднократных отказах работать на ремонтирующихся судах. Считая увольнение неправильным, Иванов обратился в суд с иском о восстановлении на работе и о взыскании заработной платы за время вынужденного прогула. Он обосновывал свои требования тем, что был принят на работу в плавсостав, а не в ремонтные бригады, а также тем, что профком вынес решение о согласии на увольнение в неполном составе.

Накануне рассмотрения дела управление отменило приказ об увольнении. В судебном заседании, однако, Иванов настаивал на том, чтобы суд вынес решение о восстановлении его на работе. Но районный суд, сославшись на то, что Иванов до рассмотрения судом спора был уже восстановлен на работе с выплатой ему

заработной платы за три месяца вынужденного прогула, в иске ему отказал. Тогда Иванов обратился с жалобой в следующую судебную инстанцию. Он не согласился с тем, что суд отказал ему в удовлетворении иска о восстановлении на работе, несмотря на установленный факт увольнения с грубым нарушением трудового законодательства. Дело дошло до Верховного Суда РСФСР.

Спрашивается: как оценить действия Иванова? Не сутяжник ли он? На работе он восстановлен, заработная плата ему выплачена. Что ему еще надо?

А Иванову нужна Правда! Не просто восстановление на работе и получение заработной платы в порядке «любезности» начальства или эдакой снисходительности: ладно, пусть работает, лучше от него отступить. А — по закону, по праву. И именно такое определение по делу Иванова вынес Верховный Суд РСФСР. Он восстановил Иванова на работе и вдобавок к этому указал в частном определении на нарушение трудового законодательства администрацией управления. Кстати, зададимся вопросом: не бывает ли так, что людей, обращающихся за Правдой в народный суд, мы без каких-либо оснований и с немалой долей осуждения именуем сутяжниками? Не анонимщиков, не составителей бесчисленных жалоб под копирку, а людей, обращающихся к правосудию, к Закону, идущих на открытое, гласное рассмотрение конфликтной ситуации коллегиальным органом — народным судом! Видимо, и здесь сложился определенный стереотип, заставляющий нас рассматривать как чуть ли не зазорное дело обращение гражданина в суд, его требование о вынесении правосудного решения по той или иной конфликтной ситуации.

Верно, народный суд — орган, так сказать, прозаический, занимающийся зачастую низменными поступками людей, склоками, сломанными судьбами. Но в нем одновременно есть возвышенность и величественность, и как раз потому, что народный суд по своему своему предназначению призван утверждать в нашей жизни, во всей этой «прозе», высокие начала Правды, Истины, Справедливости.

А как со всем этим согласуются совершаемые в судах ошибки, несправедливые осуждения невинных людей? Об этом не так давно говорилось на Пленуме Верховного Суда страны, в прессе. Не нужны ли и здесь, по примеру, скажем, правового регулирования в области хозяйства, новые кардинальные меры?

Ошибки, допускаемые судьями, никак не согласуются с высоким предназначением народного суда, с нравственными и правовыми началами, лежащими в основе его организации и деятельности. Это — именно ошибки. И, конечно, они совершенно нетерпимы с точки зрения идеалов социалистического правосудия, принципов нашей законности.

Сейчас, в условиях перестройки, принимаются решительные меры по улучшению качества работы судов, по повышению их ответственности. Они предполагают углубление и совершенствование профессиональных начал в судейской работе, надлежащую ее оснащенность необходимыми техническими средствами и т. д., а главное — ее целеустремленную направленность на полное осуществление идеалов социалистического правосудия, принципов социалистической закон-

ности, т. е., в конечном счете, на осуществление революционных по своей сути задач перестройки. Все эти меры, наряду с решением кадровых вопросов, повышением требований к личным качествам членов судейского корпуса и другими мерами, должны сократить количество ошибок, допускаемых судами.

Вместе с тем, как мне кажется, в отдельных публикациях по поводу ошибок в судебной деятельности не всегда достаточно четко бывают расставлены акценты — у читателей может создаться впечатление, будто суды только и делают, что совершают ошибки, осуждают невиновных, преследуют смелых и инициативных хозяйственников. Не это, конечно, хотели сказать авторы подобных публикаций. Тем более, что под «ошибками» иной раз — как мы уже выяснили — понимаются действия судей, строго следующих своему гражданскому долгу и профессиональным функциям по безусловной реализации действующих законоположений. Подчеркну еще раз: если бы судьи игнорировали закон, поступали исходя из «целесообразности» (не всегда, естественно, ясной и однозначно понимаемой), то наступило бы самое страшное национальное бедствие — крушение законности, стихия произвола. Ситуация, увы, в какой-то мере испытанная нами в годы, когда допускались отступления от социалистической законности.

Полезно обратить внимание еще на такой момент. Недостатки в работе судов — это преимущественно ошибки, вызванные слабой профессиональной и моральной подготовленностью некоторых судей, ненужной торопливостью, недостаточно высокой культурой, а главное — отступлениями от требований закона. В отличие, скажем, от аппарата хозяйственного управления, организация и деятельность народных судов, су-

дей тщательно законодательно «отрегулирована», причем в порядке, который только-только вводится в сфере хозяйственного управления, — порядке, построенном на строго разрешительных началах, когда суды вправе совершать лишь действия, прямо предусмотренные в законе. Именно в этом — существо уголовного и гражданского процессов, довольно обширных процессуальных кодексов. «Медлительность», «многоступенчатость», «громоздкость» судебной деятельности, наличие в ней ряда инстанций, системы отводов и т. п., все, что порой создает впечатление формальности и волокиты, все это, по сути дела, разнообразные юридические гарантии. И «сверхзадача» таких юридических гарантий — Правда, Истина, Справедливость. Они как бы говорят судье: проверь и перепроверь факты, четко письменно зафиксируй каждое обстоятельство, мотивируй свои действия, будь готов к тому, что твои решения могут быть обжалованы и опротестованы...

Но ведь в печати, да и в специальной юридической литературе настойчиво говорится о необходимости введения в области судебной деятельности новшеств, например суда присяжных, об увеличении количества судей при рассмотрении каждого дела, о расширении функций защиты...

— Дальнейшее развитие законодательства о суде, процессуального законодательства, конечно, необходимо. Это требование нынешнего времени. Причем касается оно не только народного суда, но и других органов, решающих юридические вопросы. Так, недавно приняты меры по преобразованию Государственного

арбитража, своего рода суда, призванного рассматривать и разрешать юридические дела в области социалистического хозяйства. Кстати, ныне с большей силой оттенены именно «судейские» функции Государственного арбитража: он выведен из подчинения исполнительным органам власти и превращен в самостоятельную правоохранительную организацию, призванную путем решения споров по хозяйственным вопросам, рассмотрения иных конфликтных ситуаций принимать меры по реальному правовому обеспечению перестройки в новых условиях социалистического хозяйствования; с этой целью органам арбитража предоставлены довольно широкие контрольные полномочия.

Что же касается народного суда, его организации и деятельности, то будем помнить, что правосудие — сфера сложных и глубоких, хрупких и тонких человеческих отношений, затрагивающих большие человеческие и нравственные ценности, судьбы людей. С этой точки зрения, вероятно, была бы оправданной известная разгрузка органов правосудия от мелких, несложных административных дел, введение своего рода «административной юстиции» (тем более что Закон о порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан, открыл новый участок судебной деятельности). Все нововведения, разумеется, нуждаются в тщательной всесторонней проработке, в учете сложившихся позитивных традиций, ценностей, собственного опыта. Поэтому заимствование институтов, хотя и имеющих общедемократические основания, но все же сложившихся в иных, во многом чуждых нам социальных и исторических условиях (как, например, суд присяжных), может быть, не лучший вариант решения возникающих в сфере правосудия проблем. Не целесообразнее ли ак-

тивизировать и использовать весь позитивный потенциал институтов, являющихся результатом нашего собственного опыта, — таких, в частности, как институт народных заседателей, участие в деле общественных обвинителей и защитников? Вполне оправданно предложение об увеличении числа народных заседателей при рассмотрении сложных дел, упрочение их статуса как судей, равноправного во всех отношениях с постоянными судьями.

Видимо, есть основания поразмышлять и над иными предложениями, в частности над теми, которые поставят прочный барьер попыткам вмешательства в судейские дела со стороны кого бы то ни было, обеспечат их действительную независимость, в том числе от воздействия местных органов, должностных лиц. С этой точки зрения в фигуре «постоянного судьи» есть свои резоны. И, быть может, одна из действительно важных и сложных по данному кругу отношений проблем состоит в нахождении оптимальных организационно-юридических форм, которые бы соединили начала выборности судей с надежным обеспечением их независимости (выборы судей на длительный срок, допустим — десятилетний, с конституированием «постоянного» их судейского статуса и, следовательно, возможностью их отзыва только через вышестоящий Совет народных депутатов или даже только через Верховный Совет республики).

Ну, а расширение функций защиты, в частности участие адвоката не со стадии предъявления обвинения, а с более ранних стадий рассмотрения уголовного дела?

— Вопрос о правовой защите, об адвокатуре достоин более основательной и глубокой постановки и решения. Причем речь идет не только и даже не столько о преодолении еще существующих представлений об адвокатской деятельности (она, мол, носит чисто коммерческий характер, нацелена на «оправдание» преступников и т. д.). Популярность адвокатуры, понимание важности правовой защиты, ее действительной юридической роли уже сейчас все более утверждаются в общественном мнении. Ведь это институты социалистической демократии, нераздельно связанные с гарантированием прав человека, наполнившихся при социализме реальным содержанием.

Значение правовой защиты, адвокатуры проявляется прежде всего в области правосудия, существенным элементом механизма которого они, по сути, и являются. Когда предварительное следствие по уголовному делу осуществляется квалифицированным следственным аппаратом, а в суде обвинение поддерживается квалифицированным и авторитетным юристом — прокурором, для достижения истины и вынесения правосудного решения необходимо, чтобы и у обвиняемого (подсудимого) была возможность привлечь квалифицированного юриста для защиты своих прав и законных интересов. Именно таким путем удается обеспечить «на равных» состязание обвинения и защиты в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела и, следовательно, достигнуть всестороннего изучения фактических обстоятельств дела, точной их оценки, всех «оправдывающих» обстоятельств, выявления различных вариантов интерпретации фактов и положений закона. Все это открывает путь к использованию всех возможностей и средств для защиты, предусмотренных советским законодательством.

Вместе с тем глубокая демократическая суть правовой защиты выходит за рамки правосудия, имеет более широкое политическое и правовое значение. Предоставив гражданам, их коллективам, организациям широкие демократические права, углубляя их, Советское государство учредило адвокатуру, институт правовой защиты и самим этим фактом, да и порядком деятельности адвокатуры как бы говорит: вот организация, отделенная от государственного аппарата, действующая на самостоятельных началах, в ней работают квалифицированные юристы, и каждый гражданин в любое время может обратиться за правовой помощью в эту организацию, и такая помощь будет оказана. При этом важно, что деятельность адвокатуры в условиях социализма приобрела высокогуманные черты, обусловленные глубоко демократической, гуманистической природой власти трудящихся; она устремлена на защиту прав человека, великих моральных ценностей и идеалов, носит доступный, во многих случаях (в том числе в области трудовых прав) льготный характер. И в настоящее время, когда проводятся решительные меры по расширению и углублению демократических начал в жизни общества, адвокатура, наряду с другими демократическими институтами, нуждается в дальнейшем развитии, совершенствовании. Одним из моментов такого развития, совершенствования должно, несомненно, стать расширение функций защиты в уголовном судопроизводстве (оптимальный вариант — допускать защитника к рассмотрению любого уголовного дела с момента его возбуждения — нововведение, которое уже прошло проверку по некоторым категориям дел, подготовлено самим ходом развития демократических процессуальных процедур, поддерживается специалистами, общественным мнением).

Вполне очевидно значительная роль в обеспечении осуществления законов общественного мнения, мощных общественно-политических институтов, его выражающих и формирующих, средств массовой информации. Как может быть определена здесь роль печати, например?

— Однозначно — положительно. Скажем даже так: утверждение действительной ценности права, идеалов и требований строжайшей законности, в особенности сейчас, во время революционных по своему содержанию перемен, без поддержки печати, всех средств массовой политической информации просто невозможно. И нужно отдать должное телевидению, радио, газетам, другим печатным органам — они уделяют все больше внимания вопросам права и законности. Журнал «Человек и закон», аналогичная передача ТВ, судебные очерки, выступления по правовым вопросам видных советских журналистов, руководителей правоохранительных органов, юристов-практиков, ученых — все это, как и многое другое — свидетельство того, что юридические органы и органы массовой информации находятся в одном строю в борьбе за укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, действуют в контакте, во взаимодействии.

Вместе с тем ряд вопросов нуждается в обсуждении.

Прежде всего, необходимо, чтобы на страницах печати, всеми средствами информации четко определялась линия правовой политики в тот или иной момент. Существенно, скажем, обращать внимание в судебных очерках и репортажах на преступления, иные антиоб-

шествленные явления, которые до сих пор не были объектом общественного внимания. Правда, повышенное внимание к определенным категориям юридических дел, и тем более смакование связанных с ними подробностей, может иметь и негативную сторону — возбудить интерес к запретному плоду, который, увы, во все века был сладок. Поэтому нельзя забывать главные линии правовой пропаганды в современных условиях — утверждение ценностей и идеалов социалистического права и законности, надлежащую правовую информацию о законах, других нормативных актах, при помощи которых осуществляется перестройка, выработку готовности на полное и точное их осуществление.

Тонким и деликатным является вопрос о взаимоотношениях юридических органов и печати с точки зрения идеалов правосудия. Существует нерушимый конституционный принцип: признать человека виновным может только народный суд. И вполне обоснованно ведущие журналисты, специализирующиеся по правовой проблематике, учитывая, что печатное слово — мощная сила, не спешат объявить человека виновным, преступником. Они справедливо считают, что применение таких формулировок до того, как обвинительный приговор вошел в законную силу, может нанести ущерб делу правосудия, законности. Вот как юридически корректно пишет А. Рубинов по поводу квартирного вора, в отношении которого начался судебный процесс: «Не станем пока называть его фамилию. Хотя он уже был под судом за сорок семь преступлений, но сейчас его судят за новые, и, пока не произнесен приговор, было бы все-таки незаконно печатать в газете его фамилию и называть преступником». Как важно везде и всюду, в публикациях всех печатных органов скрупулезно придерживаться такого подхода!

Непросто решается и вопрос о гласности в деятельности юридических органов, в особенности о публичной оценке работы народных судей. Начала гласности, все более и более утверждающиеся в жизни нашей страны, должны торжествовать и здесь, в области деятельности юридических органов, народных судов. Недаром публичность — один из принципов работы суда. И работники этих органов не должны быть вне критики, вне общественной оценки, в том числе со стороны печати, других средств массовой информации. И все же, на мой взгляд, тут существуют некие грани, оттенки в выражении подобных оценок, которые, надо полагать, должны неизменно учитываться. Это — необходимость поддержания самого принципа уважения к народному суду как органу Правды, Истины, Справедливости. Когда, например, в одной местной газете я прочел судебный очерк, автор которого, молодой журналист, высказывает несогласие с решением суда (кстати, не вошедшим еще в законную силу) и при этом пишет, что у судьи в ходе заседания «бегали глаза», что он «skonфузился, оглашая приговор», «торопливо ушел, отворачиваясь от присутствующих», то мне показалось, что в данной публикации упомянутые грани и оттенки не были учтены. Трудно сказать, будет ли введена со временем по примеру ряда стран (я лично убежден — будет) особая юридическая ответственность «за неуважение к суду», но то, что эта ответственность имеет достаточно разумные основания, у меня сомнений не вызывает.

Что же, при характеристике организации исполнения законов затронуты многие вопросы (а сколько еще не затронуты!). Но давайте выделим что-то главное, стержневое. Еще один ключик...

— Хорошо, только не один, а два ключика. С первого начали разговор по данной теме — это последовательный настрой во всем обществе на строжайшую, незыблемую законность везде и всюду, решительно во всем. А второй ключик — кадры. И в юридической области по-прежнему актуален, незаменим партийный лозунг, подтвержденный, развитый и конкретизированный январским (1987 г.) Пленумом ЦК партии — ключом к решению наших сложных проблем, прежде всего проблем перестройки, являются кадры. В партийных документах о кадрах юристов — работниках правосудия, прокуратуры, милиции, других юридических органов говорится особо, с подчеркнутым акцентом на важность их работы, на высокие деловые и нравственные требования к ним. *Послушайте, как четко, емко сформулировано: «профессиональные знания работников этих органов должны сочетаться с гражданским мужеством, неподкупностью и справедливостью».* Да, именно высокий профессионализм, гражданское мужество, неподкупность, справедливость! В этих словах — то главное, что определяет успех работы современного советского юриста, а отсюда и успех в решении многообразных вопросов по организации исполнения советских законов.

**Седьмой вечер
В ЗАВЕРШЕНИЕ
РАЗГОВОРА.
О НАУКЕ,
ОБ ОБРАЗОВАНИИ,
О ВСЕХ НАС**

**ЗА ВЫСОКУЮ
ЮРИДИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ!**

Итак, теперь ясно — должны быть хорошие, нужные нашему времени законы. Должно быть организовано их точное, безукоризненное исполнение. Что еще?..

— И должна быть высокая правовая культура в обществе! Ведь законы издаются для людей и людям адресованы, они применяются людьми и людьми исполняются. А все это (и издание законов, и их применение, и их исполнение) во многом зависит от нашей юридической культуры, то есть от состояния права и законности в обществе, от нашего — всего общества и каждого из нас — отношения к вопросам права и законности, усвоения нами юридических ценностей, готовности и стремления добиваться

строжайшей законности, точного, безукоризненного исполнения юридических норм.

Правовая культура — это среда, уровень которой в немалой мере определяет действенность права, его эффективность, состояние законности. Если в обществе высокая правовая культура, то есть все общество и каждый гражданин уважительно относятся к праву и закону, способствуют достижению фактического господства права и законности во всех делах, то и исполнение законов осуществляется просто и безболезненно, реально утверждается правовая основа государственной и общественной жизни. Напротив, если в правовой культуре общества есть изъяны, существенные недостатки, то и исполнение законов затрудняется, законы порой наталкиваются на «неприятие» их людьми, требуется значительно большая работа правоохранительных органов, и право не всегда и не во всем достигает своих целей.

Вполне понятно, что сейчас, когда самым ходом перестройки, возникающими в связи с ней проблемами подчеркивается острая необходимость последовательного правового обеспечения глубоких социальных перемен, вопросы правовой культуры, ее подъема приобретают характер неотложных, требуют принятия срочных, порой — решительных мер.

Что же является исходным, определяющим для правовой культуры в нашем обществе? От чего в первую очередь зависит ее состояние?

— Решающее здесь — характер отношения к праву и законности с идеологических, идейно-теоретических, мировоззренческих позиций, наличие соответствующих положений в партийных документах.

Необходимо подчеркнуть, что именно в наше время, в условиях перестройки ленинские идеи о праве и законности нашли полное и последовательное выражение в партийных документах, и прежде всего в материалах XXVII съезда КПСС, в новой редакции Программы партии. Задача укрепления правовой основы государственной и общественной жизни в нашей стране стала ныне партийным делом принципиального характера — программным положением. «Предметом постоянной заботы партии, — говорится в новой редакции Программы КПСС, — были и остаются **укрепление правовой основы государственной и общественной жизни**, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка, улучшение работы органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и внутренних дел». И на состоявшихся после съезда Пленумах ЦК, и непосредственно в практических делах партии и государства эта принципиальная линия, выражающая отношение Коммунистической партии к вопросам права и законности, нашла подтверждение, конкретизированное воплощение.

Вопросы правовой культуры, как и все, что относится к субъективной стороне юридических проблем, касаются, судя по всему, многих сторон нашей жизни — и деятельности научных учреждений, занимающихся проблемами права, и преподавания основ правовых знаний, и правовой информации, и издания литературы по юридическим вопросам, и многого другого. Какие из этих вопросов приобретают особо существенное значение в современный период?

— Есть три вопроса, от которых непосредственно зависит правовая культура, ее состояние в обществе: во-первых, авторитет и направление развития юридической науки — правоведения, во-вторых, состояние и развитие правового образования и, в-третьих, общее правовое воспитание и просвещение в стране.

Итак, первый пункт — правоведение. Что тут может быть отмечено с точки зрения идущих в нашей стране глубоких преобразований?

— Прежде всего назрела необходимость изменения отношения к самой юридической науке. Иной раз ее и общественной-то наукой признают с трудом (хотя известно, что В. И. Ленин в своей лекции «О государстве» указал на государственно-правовую проблематику как на касающуюся классовых интересов сразу же вслед за экономическими вопросами). Да и по «номенклатуре» наук, стойко утвердившейся в общественном мнении, правоведение — отрасль знаний, уступающая по своей значимости многим иным наукам — естественным, экономическим, управленческим. В таком отношении к правоведению явно сказываются следы былой недооценки права в нашей жизни.

В современной же обстановке, когда не только под углом зрения утвердившихся идеологических, идейно-теоретических позиций, но и в силу логики самой перестройки, выдвинувшей вопросы правового обеспечения в центр радикальных преобразований, подъем авторитета и престижа правоведения, четкое определение для него достойного места в системе наук — насущное требование жизни.

Разумеется, нельзя забывать и о «слабых местах»

советской юридической науки. Одно из них отчетливо выявилось именно сейчас, и связано оно с тем, что по характеру и результатам своих разработок, их потенциалам наша юридическая наука по многим параметрам оказалась не в состоянии предложить такие «заготовки», отработанные решения, которые сразу могли бы быть пущены в дело, с тем чтобы обеспечить с правовой стороны намеченные радикальные преобразования.

Это предопределяет не только тематические направления научных исследований, их оптимальное содержание, но и темпы, интенсивность таких исследований, фундаментальных и прикладных разработок. И как нельзя лучше здесь подходит термин «ускорение». Сама жизнь, глубина и широта идущей в нашей стране перестройки требуют не только разработок в соответствии с требованиями и запросами сегодняшнего дня, но и заготовок впрок, а следовательно — **опережающего** развития юридической науки, что в свою очередь требует, по крайней мере, изменения самого духа научных исследований и их известной переориентации.

Касаясь вопроса о стиле, духе научных исследований, необходимо отметить вот что. В предшествующие годы наша юридическая наука, думается, чрезмерно увлеклась обобщенной характеристикой преимуществ и достижений советской правовой системы. Понятно, освещение принципиальных особенностей советского права, его коренного отличия от права эксплуататорского общества — задача, которая всегда имела и будет иметь в нашей науке существенное значение. Но когда эта задача становится чуть ли не единственной, возникает стремление во что бы то ни стало «обосновать» сложившиеся порядки и отношения в качестве «лучших», а то и единственно возможных. Тем самым иска-

жается действительная картина правового регулирования, а главное — исчезает критический анализ этих порядков и отношений, приостанавливаются поиск и выработка оптимальных организационно-правовых форм, тем более на перспективу. Вот почему в современных условиях важнейшая задача правопедения — изменение самого стиля исследования, переход от констатирующе-восторженных характеристик к реалистической, трезвой оценке силы и эффективности действующих правовых форм, к созидательно-творческой разработке юридических средств и механизмов решения назревших задач демократизации, внедрения экономических методов, активизации человеческого фактора, утверждения начал социальной справедливости, которые в полной мере соответствовали бы требованиям сегодняшнего дня и в то же время учитывали перспективу развития указанных экономических и социально-политических тенденций и явлений. Тем более что необходимый познавательный и научный аппарат для исследований подобного рода в нашей науке уже имеется: получили развитие философия и социология права, теория, раскрывающая поведенческие, нравственные, психологические аспекты правового регулирования, разработки по вопросу эффективности права, его ценности. Дальнейшее обогащение достижениями философской и социологической мысли, психологии, всех поведенческих наук, кибернетики, других отраслей знания, творческое их использование применительно к праву позволит при необходимой целеустремленности научных исследований не только придать советскому правопедению современный, деловой, созидательно-творческий характер, но и достигнуть на этом пути уже в ближайшее время заметных успехов.

Что же касается известной переориентации научных

исследований, то одним из существенных ее моментов, наряду и в связи с продолжением исследований по философии и социологии права, является развитие так называемого инструментального направления в правоведении. Что означает инструментальное направление? Это подход к различным правовым формам (юридическим нормам, правам и обязанностям, их сочетаниям, комплексам) как к инструментам решения определенных социальных задач. При изучении разнообразных правовых форм необходимо выяснить, какие конкретно задачи каждая из них может решить, какая из них является наиболее оптимальной в данных условиях, каких конкретно результатов при этом можно достигнуть, в каких комбинациях их лучше всего использовать, чтобы не допустить или свести к минимуму возможные отрицательные последствия, как и в чем их целесообразно усовершенствовать, чтобы добиться максимального эффекта. Не трудно заметить, что результаты подобных исследований крайне нужны именно сейчас, в условиях перестройки: тогда законодатель имел бы под рукой нужный «набор» инструментов — оптимальных юридических средств и механизмов, способных наилучшим образом обеспечивать достижение самых разнообразных жизненных проблем, возникающих в ходе радикального преобразования нашей жизни. Путем создания обширного «банка» таких инструментов — отработанных юридических средств и правовых механизмов — юридическая наука сможет в наибольшей степени служить практике.

Попутно — такое замечание. Наверняка каждому приходилось слышать о том, что в юридической науке много всякой формалистики, чуть ли не догматики и схоластики, неоправданных усложнений. О сложностях, неизбежных во всякой науке, мы уже говорили. А

вот формалистика? Попробуем преодолеть и это предубеждение.

С формалистикой обычно связывают деятельность юристов по выяснению того, что относится к формальным моментам — разновидностям юридических норм, прав, обязанностей, ответственности, их особенностям, соотношению, технике их закрепления в законе и т. д. Разумеется, когда научный анализ замыкается только на формальных моментах — а строгость и четкость юридической материи связана с тем, что здесь многое действительно построено на формальной логике, — он может породить догматизм и схоластику, что и случилось в силу классовых и методологических причин с рядом направлений буржуазной юриспруденции. Но в необходимых, разумных пределах, причем на прочной философской, социологической базе, такой анализ крайне важен, ибо снабжает юристов-практиков нужными данными по точному применению законов, решению других юридических вопросов. В научном же отношении указанные данные не только являются необходимыми по той причине, что их учет придает деловой, конкретный и конструктивный характер любым правовым исследованиям, в том числе философским и социологическим, — они как раз и позволяют при углубленной проработке соответствующего материала, при его философско-социологическом возвышении осуществлять инструментальные исследования. Ведь юридические нормы, права, обязанности и т. д. — это и есть тот «строительный материал», из которого складываются правовые средства и юридические механизмы, используемые при решении социальных задач, и который крайне необходим для понимания сложных юридических вопросов. Так, два порядка юридического регулирования — общедозволительный и разрешительный, — смена кото-

рых в нынешних условиях выражает революционную перемену в самом ядре правового регулирования хозяйственных отношений, построены именно на различных сочетаниях прав и обязанностей, дозволений и запретов, то есть на том, что порой с недобрый оттенком именуется формалистикой.

И еще на одном вопросе развития советской юридической науки в современный период целесообразно вкратце остановиться. В среде ученых-правоведов должна восторжествовать нравственно-деловая атмосфера, соответствующая нынешнему времени, — требовательного, при надлежащем развитии дискуссий и творческих обсуждений, и вместе с тем доброго, уважительного отношения друг к другу, атмосфера ответственности и единства, стремление сообща, преодолевая разногласия, групповые интересы, обеспечить интенсивное развитие юридической мысли, призванной вобрать все ценное, позитивное, что выработано в рамках различных научных направлений и концепций. Как сказано на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, «не демократично, когда под видом борьбы с амбициями одной группы, ее претензией на истину «в последней инстанции» навязывают амбиции другой группы, ее пристрастия и привязанности, субъективистскую точку зрения». Не противопоставление различных взглядов, научных течений, теоретических ориентаций, развивающихся на единой марксистско-ленинской методологической основе, не настроенность во что бы то ни стало «победить» кого-то, а объединение усилий, дух взаимопонимания, терпимости к взглядам своих коллег, уважительного к ним отношения — вот настойчивое требование нынешнего времени, времени смелого поиска и конструктивных научных решений.

Второй намеченный нами пункт — юридическое образование, по состоянию которого также можно судить об уровне правовой культуры в стране. Хотелось бы знать, что нового в юридическом обучении кадров вызвано требованиями перестройки, что применительно в юридическом образовании сейчас?

— Прежде всего необходимо отметить общий момент, особо подчеркиваемый в связи с требованиями реформы высшей школы, — повышение качества подготовки юристов-профессионалов по всем направлениям этой обширной и многогранной специальности. Высшая юридическая школа призвана дать достойный ответ на «социальный заказ» практики в условиях перестройки — обеспечить подготовку высококвалифицированных судей, прокурорских работников, следователей, адвокатов, нотариусов, работников юридической службы, способных на высоком профессиональном уровне, на прочной мировоззренческой и нравственной основе обеспечивать строжайшее исполнение законов, осуществление закрепляемых в них мер по достижению строгого общественного порядка, дисциплины, по глубокому преобразованию, обновлению социальной жизни. Эти задачи предполагают углубление фундаментальной подготовки студентов в сочетании с развитием обучения по профилям работы юриста (в крупных юридических вузах созданы специализированные факультеты), использование всего богатства юридической культуры и юридической практики, опыта юридических учреждений (ряд вузов уже образовал в юридических учреждениях филиалы своих кафедр), решение ряда назревших организационных вопросов, касающихся, в частности,

укрупнения юридических вузов (ныне наряду с крупными вузами — центрами высококвалифицированной подготовки юристов существует несколько десятков мелких юридических факультетов университетов), формирование вместе с научными учреждениями учебно-научных комплексов, усиление самостоятельной работы студентов, совершенствование форм аудиторной работы, включая активное использование «деловых игр», других передовых методик.

Теперь о том новом в высшем юридическом образовании, что непосредственно обусловлено перестройкой, обновлением всего советского общества.

Главное — это твердый курс на то, чтобы заложить в будущих юристах прочные основы современного юридического мышления, мышления, которое базируется на признании высокой ценности права, идеалов социалистической законности, нерушимости всех ее требований и вместе с тем нацелено не только на юридические обязанности, ответственность, карательные меры, но и на субъективные юридические права, необходимость их гарантирования, фактической реализации. Надо напомнить, что именно с субъективными юридическими правами связано и осуществление проводимых в настоящее время радикальных мер (внедрение экономических методов управления, широкая демократизация, активизация человеческого фактора), и курс на еще большее утверждение высокого статуса советского человека, его прав, наполненных при социализме реальным содержанием.

Юридическая подготовка, далее, должна строиться с расчетом на появление новых важных направлений и участков деятельности юриста или, во всяком случае, на то, что ряд направлений и участков этой деятельности приобретает новую значимость и звучание. Конеч-

но, главное направление остается — это деятельность в правоохранительных органах (народном суде, прокуратуре, органах юстиции, МВД), и именно при подготовке работников правоохранительных органов должно быть обеспечено достижение тех требований к ним, которые сформулированы в партийных документах, — соединение высокой профессиональной подготовки с гражданским мужеством, неподкупностью, справедливостью.

Какие же новые направления и участки юридической работы в настоящее время можно уверенно прогнозировать и что следует учитывать в работе вузов?

Это, конечно, расширение и углубление работы юриста в народном хозяйстве (и работников юридической службы, и арбитражей) по реальному правовому обеспечению новых методов хозяйствования, начал полного хозрасчета, самофинансирования в деятельности предприятий (объединений). Причем здесь открываются совершенно новые участки хозяйственно-юридической деятельности (важнейший из них — правовое обеспечение прямой внешнеэкономической деятельности объединений и предприятий, образуемых в их составе внешнеторговых фирм).

Важно отметить также, что, по всем данным, возрастают удельный вес и значение юридической работы в аппарате государственного управления. Тут несколько моментов. Укрепление правовых начал в управленческой деятельности, устранение бюрократических тенденций потребует соответствующего подкрепления со стороны юристов, призванных обеспечить ее осуществление в строгих рамках закона. Особым участком работы юриста в органах государственного аппарата (учреждений Госбанка, финансовых органов, органов

культуры, управлений местной промышленности и других) станет работа по регистрации и контролю за деятельностью самодеятельных образований, клубов по интересам, разнообразных кооперативных объединений, всего, что относится к организации индивидуальной трудовой деятельности граждан. И еще одно направление работы юриста в данной области — обеспечение строжайшей законности при распределении, полностью или частично, благ из общественных фондов. Обеспечение должного порядка, последовательного осуществления начал социальной справедливости требует здесь не только совершенствования законодательного регулирования распределения жилья, медицинского обслуживания, распределения путевок в санатории и т. д., но и прямого участия в решении соответствующих вопросов высококвалифицированных юристов.

Все юристы должны быть подготовлены (обладать для этого необходимыми навыками и данными) к тому, чтобы включиться в правовое воспитание населения, правовую пропаганду, причем делать это с учетом требований сегодняшнего дня, перестройки. Впрочем, о правовом воспитании и правовой пропаганде — разговор дальше.

И одно предположение на возможную перспективу и, следовательно, — на обсуждение, для размышлений о судьбах юридического образования.

В ряде зарубежных стран (слепо копировать их опыт, конечно, негоже, а учитывать необходимо) подготовка административных работников высшей квалификации, требующей основательного знания законодательства, практики его применения, умения готовить законопроекты, другие ответственные юридические документы, решать конфликтные ситуации в административной области, владеть навыками основ современного

делопроизводства, искусством публичных выступлений и т. д., осуществляется в рамках юридического образования. Быть может, и у нас для указанных целей наряду с вузами общеполитического и общеуправленческого назначения целесообразно использовать также и юридические вузы? Например, путем организации при крупных юридических вузах двух- или трехгодичных курсов (или колледжей) высшей административно-правовой подготовки специалистов, имеющих высшее образование, опыт практической работы и рекомендуемых на руководящую административную работу соответствующего профиля. Создание в ряде юридических вузов факультетов советского строительства, возможно, является известным шагом именно в данном направлении развития юридического образования.

Ну, что ж, юридическая наука и правовое образование — это, понятно, основа основ правовой культуры, в первую очередь культуры законодательной работы, культуры работы правоохранительных органов, хорошо налаженной правовой информации. Но, думается, не меньшее значение имеет правовая культура всего населения, а она прямо обусловлена состоянием и постановкой правового воспитания и просвещения, не так ли? И, может быть, с этим кругом вопросов дело у нас обстоит в общем благополучно? Мы как-то уже говорили о большом числе публикаций, теле- и радиопередач на правовые темы, о преподавании основ права во всех учебных заведениях...

— Вопреки, казалось бы, с внешней стороны благополучному положению дел на этом важном участке правовой культуры, нужно сказать с полной определенностью: и здесь в современных условиях необходимы крупные перемены, качественный сдвиг.

— Два весьма существенных обстоятельства предопределяют именно такой подход к вопросам правового воспитания и просвещения на нынешнем этапе развития советского общества.

Первое. В соответствии с решениями XXVII съезда КПСС изменились статус правового воспитания, его место и роль в идеологической работе, в духовной жизни. Мы привыкли к тому, что вопросы правового воспитания обычно решались обособленно, отдельно от коммунистического воспитания, тем более, что им, как и праву в целом, придавался преимущественно криминалистический оттенок, их содержание связывалось в основном с профилактикой правонарушений, преступности. В новой редакции Программы КПСС правовое воспитание рассматривается (и это сделано в программных партийных документах впервые) как важное звено в области идейно-воспитательной работы наряду с трудовым воспитанием, утверждением коммунистической морали, патриотическим интернациональным воспитанием. При этом оно раскрывается как воспитание высокой гражданственности, уважения к советским законам и правилам социалистического общежития, непримиримости к любым нарушениям социалистической законности, как готовность активно участвовать в охране правопорядка. Примечательно, что и в Резолюции съезда по Политическому докладу делается ударение на воспитании высокой гражданственности и обращается внимание на то, что «формирование высокой гражданственности, нравственное и правовое воспитание совет-

ских людей, особенно молодежи, должно стать одним из действенных средств развития их социально-политической активности» (а дальше добавлено еще «непримиримости к недостаткам и правонарушениям, заботливо-го отношения к интересам общества и государства»).

Второе обстоятельство. Осуществляемые Коммунистической партией и Советским государством в ходе перестройки меры в области народного хозяйства, расширения демократии, активизации человеческого фактора облекаются в юридическую форму, выражаются в законодательных актах, постановлениях ЦК КПСС и Советского правительства, в других политико-юридических документах. С этой точки зрения правовое воспитание, смыкаясь с экономической учебой и политическим просвещением, приобретает важное общепартийное, общегосударственное значение и позволяет решить по крайней мере три задачи:

достигается высокий уровень информированности о содержании принимаемых мер, причем не в вольном изложении, не в пересказе, а в строгом, точном виде, который характерен для законодательных актов;

соответствующие меры усваиваются под углом зрения важных социальных ценностей, ленинских идей о праве, идеалов законности, ее нерушимости, недопустимости отступления от нее ни по каким мотивам;

вырабатывается готовность выполнять закрепленные в юридическом порядке меры по перестройке, нацеленность на их реальное, полное осуществление.

На июньском (1987 г.) Пленуме ЦК партии отмечено, что необходимо «создать систему быстрого поступления в трудовые коллективы законов и постановлений правительства. Люди должны знать законы, которые регулируют их жизнь и деятельность».

Таким образом, вслед за «самим» законом и органи-

зацией его исполнения правовое воспитание и просвещение приобрели значение серьезного инструмента перестройки, реального, практического дела по ее осуществлению.

Вот почему решения XXVII съезда партии (с точки зрения идейно-воспитательной работы) и одновременно — насущные задачи перестройки (с точки зрения осуществления проводимых ныне преобразований) выдвинули в качестве важного и неотложного дела юридический всеобуч. Возникла необходимость интенсивной, целенаправленной и всеобщей правовой учебы, охватывающей руководящие кадры, всех трудящихся, все население.

Примечательная черта времени: в отдельных регионах страны такой всеобуч уже действует. По решению бюро Свердловского обкома КПСС правовой всеобуч проводится в Свердловской области. Из числа ученых-правоведов и квалифицированных юристов-практиков созданы комплексные бригады, которые выезжают в районы области и вместе с юристами на местах проводят занятия с руководящими работниками по единой тематике (на занятиях рассматривается новейшее законодательство, острые проблемы применения законодательства — трудового, жилищного и др.). Затем занятия по аналогичной тематике проводятся в трудовых коллективах.

Почему в партийных документах особо выделено нравственное и правовое воспитание молодежи? Ведь с точки зрения просвещения у нас, кажется, полный порядок: во всех средних и высших учебных заведениях ведется преподавание основ Советского государства и права...

— Давайте учитывать, так сказать, реалии. Правонарушения, другие негативные явления в молодежной среде — факт сам по себе довольно тревожный. Нравственное и правовое воспитание, конечно же, призвано сыграть известную роль в предупреждении этого зла, оно должно быть направлено на то, чтобы выработать у молодежи непримиримость к любым нарушениям социалистической законности.

Но у этой проблемы есть и другая, принципиальная, сторона. Строго говоря, правовое воспитание оказывается действенной силой именно в отношении молодых людей, более того — детей, то есть в том возрасте, когда духовный мир, система нравственных ценностей, образ жизни только формируются. В отношении людей более старшего возраста, видимо, правильнее говорить о правовом «довоспитании» или о правовом «перевоспитании», а не о воспитании в точном смысле этого слова.

Да-да, правовое воспитание необходимо начинать с самых-самых малых лет — с первых шагов ребенка, с игровой площадки, с детского садика, — когда ребенок начинает усваивать, что «можно», а что «нельзя», то есть постигать и впитывать определенную систему ценностей и выражающих их норм поведения. С этими «можно» и «нельзя» должен быть привнесен и внедрен в сознание, в поведение известный «абсолютный» момент (например, никогда, ни при каких условиях, никому нельзя ударить человека, присвоить чужое), и это уже есть момент всеобщности, категоричности — изначальная предпосылка и элемент правовых ценностей и мышления.

Потом — правила дорожного движения. Превосходная правовая школа для малышей! Тоже с четкими дозволениями и абсолютными запретами, с сильными мо-

ментами всеобщности, категоричности, да притом в условиях, когда последствия несоблюдения норм оказываются страшными и наглядными. А затем в рамках всех учебных дисциплин и участков социальной деятельности должна быть реализована непрерывная система «введения» подрастающего гражданина в систему действующих норм, правовых ценностей и принципов, чтобы они исподволь, ненавязчиво, но очень глубоко и навсегда внедрились в его формирующееся сознание, в его личную шкалу ценностей, в самую плоть его поведения. Судя по всему, здесь главный и, быть может, единственный ключ к секрету воспитания личности высокой социалистической правовой культуры, а значит — высокой гражданственности, непримиримости к нарушениям закона и правил социалистического общежития, готовности активно участвовать в охране правопорядка.

А как все же с преподаванием в средних школах? Может быть, восьмой класс, где изучается дисциплина «Основы советского государства и права», — это уже поздно?

— Если бы речь шла об элементарных юридических знаниях, ценностях, навыках, то и седьмой, и шестой, и даже четвертый класс — «поздно»: все это, как уже говорилось, должно усваиваться с самых ранних лет.

А вот для проработки научных знаний по правоведению восьмой класс — не поздно (быть может, даже чуть-чуть рано; не лучше ли, например, девятый класс?). Потому что, если преподавать такую дисциплину в средней школе, то, как и все другие науки, всерьез, с использованием данных и достижений современного правоведения. Усвоить же их, пожалуй, можно,

лишь начиная с восьмого — девятого класса. Необходимо только «подготовить» учащихся к усвоению правовых знаний всей системой предшествующего непрерывного школьного правового воспитания и так построить подачу материала, чтобы и сама дисциплина — ее, кстати, лучше назвать «Основы правовых знаний», — и ее преподавание были интересными, строились с учетом социального опыта учащихся, всерьез затрагивали законодательство и юридическую практику, касались «горячих» нравственно-правовых проблем, позволяли «выйти» на высокие человеческие идеалы и ценности. И притом все это — так, чтобы вырабатывалась высокая юридическая культура, современное юридическое мышление — та культура и то мышление, которые складываются в нашем обществе сейчас, когда идет перестройка.

* * *

...Бывает так. Найдешь разноцветный камешек на речной отмели. Не стерлись у него еще грани в галечном речном потоке. Посмотришь на такой камешек с одной стороны — удивишься неожиданному сочетанию красок. Повернешь другой гранью — иные краски, и камешек будто бы совсем другой. А есть еще и третья, и четвертая грани...

Перестройка И ПРАВО.

Перестройка В ПРАВЕ.

Перестройка нас с вами (в сознании, в нашем отношении) К ПРАВУ.

Казалось бы, одни и те же слова. А грани — разные. И разные стороны большой жизненной проблемы, которую высветили глубокие, революционные по содержанию перемены, идущие сейчас в нашем обществе.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР	
Начало разговора. Оптимистическое	6
ВТОРОЙ ВЕЧЕР	
Трудности	33
ТРЕТИЙ ВЕЧЕР	
Крутой поворот	57
ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕЧЕР	
Исходное звено	78
ПЯТЫЙ ВЕЧЕР	
И вновь об исходном звене	106
ШЕСТОЙ ВЕЧЕР	
Законы должны исполняться	132
СЕДЬМОЙ ВЕЧЕР	
В завершение разговора. О науке, об образовании, о всех нас	155

Сергей Сергеевич
АЛЕКСЕЕВ

«ПРАВО И ПЕРЕСТРОЙКА.
Вопросы, раздумья, прогнозы»

(серия
«XXVII съезд КПСС:
право, демократия,
социальная
справедливость»)

Редактор
Н. В. СТРУННИКОВА

Художник
В. В. КУЛЕШОВ
Художественный редактор
Э. П. БАТАЕВА

Технический редактор
О. П. СОЛОВОВА

Корректор
Н. Н. ЦЫРКОВА

Оператор
Р. В. ГОЛОСНАЯ

И Б № 2013

Сдано в набор 18.06.87.
Подписано в печать 29.07.87.
А-05929. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага офсетная книжно-журнальная.
Гарнитура литературная.
Печать офсетная.
Объем: усл. печ. л. 7,7; усл. кр.-отт. 8,05;
учет.-изд. л. 7,41.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 3081. Цена 25 коп.

Издание подготовлено к печати на ЭВМ
и фотонаборном оборудовании
в ордена «Знак Почета» издательстве
«Юридическая литература».
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.
Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.